

Автор: Лисса

*К двери, друг, подойди.
Не бойся двери открыть.
Крепко светильник держи,
не затушил чтобы вихрь.
Слышишь, он к двери подходит.
Если, открыв, ты ничего
не увидишь – не бойся, он
все-таки здесь. Что должно
придти, то пришло.
Пришедшее
встретим.
Н. Рерих.*

Тюрьма не должна быть милым и уютным помещением... но показной аскетизм имперских казематов... мягко говоря, раздражал. Хромированные кровати, черный металл стен... Люк многое отдал бы за старый добрый «каменный мешок» со ржавой решеткой. Увы, силовое поле, преграждающее путь к свободе, не давало и шанса на спасение!

Скайуокер стукнул кулаком по стене: ну надо же так глупо попасться! Обычный разведывательный рейд, в который Командор записался исключительно от скуки, обернулся серьезными неприятностями... впрочем, нет! Настоящие неприятности еще впереди! Они начнутся, когда имперская разведка установит их с Веджем личности. Кому сказать: герои Альянса попались в ловушку для мелких жуликов! Да, Палпатин будет хохотать до упада. Что ни говори, а единственная надежда – отец. Странно называть Вейдера этим словом, странно и непривычно. Знание, полученное на Беспине, причиняло боль... но, в то же время предавало сил. Отец! Он всегда мечтал о нем... в детских фантазиях Люк часто представлял, как чьи-то сильные руки подбрасывают его к небу, слышал ласковые, ободряющие слова. Так было у всех его друзей, живших с родителями, но дядя Оуэн считал подобные проявления любви «сентиментальной ерундой». Раздумывая о своих с отцом отношениях, Скайуокер понял одну важную истину: он не хочет быть с Вейдером, это решение было принято еще на Беспине и с тех пор успело окрепнуть. Но он очень хочет, чтобы Вейдер был с ним... правда учитывая сложившуюся ситуацию, это немного затруднительно.

- Затруднительно – это слабо сказано, юный Скайуокер, - перебил размышления Люка чей-то мягкий голос, - боюсь, твой отец слишком запутался во всей этой имперской истории, чтобы вот так просто перейти на твою сторону.

Юноша испуганно огляделся: воздух в дальнем конце камеры начал светиться. Это чем-то напоминало визит Оби-Вана, но в тот раз джедай казался освещенным ярким светом дня, а фигура сегодняшнего визитера вспыхивала всеми цветами радуги. Люк был уверен, что никогда не видел этого высокого, золотоволосого человека... но, в то же время, в нем было что-то очень знакомое.

- Извини, столь бесцеремонно вмешиваюсь в твои размышления, но время дорого. Впрочем, мой сегодняшний визит итак является нарушением всех возможных правил...

- Кто вы?

- Боюсь, это будет немного... трудно объяснить, поэтому, пожалуй, начну со второго вопроса: нет, я вовсе не умер. Мое физическое тело, в данный момент находится очень далеко, в ином времени и реальности, погруженное в глубокий транс, плавно переходящий в смерть. Естественно, скоро мне придется оставить тебя, чтобы не присоединиться в Силе к упомянутому тобой Кеноби.

- Но... зачем? Зачем подобное насилие над собой?

- Это – единственный способ путешествия между реальностями. Погружаясь в транс джедая, ты можешь скользить по своей пространственно-временной ветке... при достаточном таланте и опыте способен даже увидеть иные Пути. Но лишь углубив погружение в Силу до опасных пределов, ты сможешь ПРОЙТИ по ним.

- А что такое Пути?

- Извини, я совсем забыл, что у тебя нет канонического образования... хотя стоит ли считать знание, данное Орденом каноническим? Ведь Рыцари никогда не умели видеть в перспективе... ну, да ладно. Видишь ли, мой мальчик, каждое решение, принимаемое нами в жизни, открывает новый Путь. Вселенная бесконечна в своем разнообразии, она намного больше, чем принято считать. Наш сегодняшний разговор тоже породит совершенно новую реальность.

- Почему?

- Каждое событие, любой жизненный опыт изменяет нас. В одной и той же ситуации Люк, сидевший в камере пять минут назад поступил бы не так, как теперешний. Сказал бы другие слова, сделал бы иные жесты... великие перемены складываются из мелочей, один расшатанный камень в основании башни способен заставить рухнуть крепость.

- А как это отразится на вас?

- Умный ребенок. По правде сказать, не знаю. Раньше я только наблюдал за альтернативными реальностями, ища наилучший Путь, наилучшее решение для собственного мира. Теперь же я вмешиваюсь в судьбу чужого...

- Зачем?

Визитер пожал плечами:

- Ты уже догадался, кто я?

Люк кивнул головой. Предположение было, конечно, абсурдным и совершенно фантастическим... таким же, как весь сегодняшний разговор.

- Да. Вы – Энекин Скайуокер из другой реальности. Из мира, где мой отец не стал Дартом Вейдером.

- Ты почти прав, мальчик. Вернее, прав во всем, кроме одного: я не стал не только ситхом по имени Дарт Вейдер... но и твоим отцом тоже.

- Что?

- Я не был женат на твоей матери. Ты никогда не появлялся на свет. В моей реальности нет Люка Скайуокера.

- Не может быть... как это возможно?!

- Разные Пути. У нас с твоим настоящим отцом почти нет общих фактов биографии. Я не был рабом на Татуине, не обучался в Ордене, не помогал Палпатину в построении Империи... кстати, в моей реальности этот человек умер много лет назад от редкого вида лихорадки. Удивительно, какие случайности порой способны вершить историю! Какой-то мутировавший наберианский вирус избавил Республику от величайшего в истории кризиса! Позволил спокойно загнивать и дальше... знаешь, Люк... я могу называть тебя так, правда? Так вот, Люк, иногда я тоже думаю, что Империя – не самая плохая идея. Далеко не на всех дорогах она принимает столь уродливый формы... например, когда императором становишься ты...

- Что?!

- Не пугайся: предопределенность – чушь, сказка для детей. Тебе еще предстоит этот выбор, и только от тебя зависит, какой Путь предпочесть. К сожалению, оба варианта способны принести Люку Скайуокеру много боли. Такова судьба всех, пытающихся что-то изменить.

- Вы так и не ответили на мой вопрос. Зачем? Зачем менять плохое, на худшее? Зачем вы хотели изменить мою жизнь своим визитом?

- Хорошее, плохое... все относительно. Мир в котором я живу идеален с твоей точки зрения: нет войн, нет нищеты... нет Империи. Вот только от счастья, почему-то никто не прыгает. Скажи, мог бы ты представить себе мир без боли? Мир без лжи, без обмана, без предательства? Не кажется ли тебе это представлением в театре кукол? Свет не может существовать без тени. Если бы мы не знали зла, как тогда понять, какова доброта? Знаешь, я всю жизнь стремился к торжеству Справедливости... успел побыть сенатором, генералом и даже судьей. Но сейчас, оглядываясь назад, вижу лишь пустоту. Да, многое сделано... но сколько важного потеряно по дороге! Ты молод, полон энергии, жажды подвигов и великих свершений... я и сам был таким тридцать лет назад. Но настанет день, когда ты вспомнишь наш разговор, сын, которого у меня не было. Ты не сможешь думать обо мне, как об отце – это место по праву принадлежит другому человеку, но я хочу остаться в твоей памяти, как друг. Прояви мудрость, юный Люк. Дарт Вейдер слишком запутался, чувства тянут его в одну сторону, а долг – в другую. Помоги ему подняться с колен.

- Энекин... ты можешь сказать мне, чем все это закончится?

- Нет. Прости, Люк, но это было бы не честно. Запомни только одно: я бы гордился таким сыном, как ты, а ведь мы с твоим отцом – идентичные личности, близнецы, выросшие в разных реальностях. Знаешь, я часто думаю, что ты рожден для того, чтобы закончить дело своего отца... ведь личности, избранные силой, способные изменять Пути приходят в этот мир крайне редко. В такие моменты, я очень сожалею, что мне удалось совершить это одному... однако, мне пора. Прощай, юный Скайуокер!

- Постой! Скажи, Вейдер вытащит меня из тюрьмы?

- Ваши с отцом пути пересекутся... но это свершится по твоему выбору, а не повинуюсь его желаниям.

Призрачная фигура растворилась. Золотистый свет напоминал о необычном визитере несколько дольше, но вскоре пропал и он. В камере наступила темнота...

Через несколько часов отряд повстанцев совершил дерзкую вылазку, освободив Люка и Веджа из имперского плена. Губернатор был в ярости, а двое офицеров, не установивших вовремя личности важных пленников, лишились званий и голов. Звездные войны продолжались...

Шаг в сторону.

Все написанное ниже является несколько вольным продолжением моего прошлого фанфика «Размышления об избранности». Я решила, что идея о влиянии обстоятельств на характер Энекина Скайюкера заслуживает дальнейшего развития, в результате чего и появился этот текст. Ну, что можно о нем сказать? Во-первых, это, однозначно, АУ. Хотя события фанфика и приходятся на время шестого эпизода, их сходство с каноном весьма отдаленное. Во-вторых, центральным персонажем всего этого безобразия является Лорд Вейдер, посему произведение едва ли понравится людям, недолголюбивающим этого героя.

А, впрочем, судите сами:

Пролог

Другое время, другой мир, иная реальность...

Мрачное помещение, расположенное глубоко в недрах планеты, тускло освещалось светом лишайников, но собеседники как будто не замечали недостаток света. Одного из них с трудом можно было считать живым существом... а второй давно стал больше, чем человеком.

- Давненько ты не заглядывал сюда, Хранитель. По-моему, со времен Нашествия?

- Ты не жалуешь нашу реальность, Секот. А я не могу просто взять и побежать вдогонку.

- Да... вы, белковые существа, очень ограничены своими телами.

- Во всем есть свои плюсы и минусы. Не имея физической оболочки, сложно представить себе все радости и горести нашего существования.

- Я имею физическую оболочку, - возразил Секот, - я бы сказал, даже много оболочек. Вся Зонама... и еще множество планет в биллионе вселенных являются моими телами... но, думаю, ты пришел не для дискуссии о мироздании.

- Как раз для этого. Но мои проблемы носят не столь глобальный характер.

Воздух сгустился. Казалось, неведомое существо укоризненно качает головой. Во всяком случае, в его голосе явственно звучал упрек:

- Ты – Избранный, Хранитель. И меня беспокоит твой интерес к Другим Путям.

Человек резко повернул голову. Мягкая ткань его одежды отливала золотом, и даже здесь, в сыром подземелье, он казался облитым светом.

- Я ищу знаний.

- Я не против теории. Но некоторые признаки говорят о том, что интерес завел тебя куда дальше, чем планировалось.

Хранитель упрямо поджал губы:

- Неужели я должен бояться нового?

- А кто здесь говорит о страхе? Ты должен быть осмотрителен. Избранный обладает силой, которая слишком велика для смертного, практически неограниченными возможностями для добра и зла. Ты видел, как использовали ее твои двойники. Неужели наблюдение ничему тебя не научило?

- Оно открыло мне жестокую истину: Силе все равно, какой ценой будет установлено равновесие. Я – целитель лечил больных, в то время, как я – воин сеял смерть и разрушение. Император Скайюкер держал миры в железном кулаке диктатуры, в то время, как генерал Скайюкер защищал Республику от угрозы. И что? В результате мир все равно приходил к равновесию. Различным было лишь время, необходимое для его достижения... и цена, которую приходилось платить.

- Это был ИХ выбор, - напомнил Секот. – Миры пожинали лишь то, что посеяли.

- Жестоко.

- Жизнь вообще жестокая штука. Посмотри на эту букашку: она может остаться здесь – и страдать от голода, или выползти на поверхность. Там много пищи, но есть прожорливые птицы. Как бы то ни было, жучка ждет один финал – смерть. Но где и как – зависит от его свободного выбора.

- Насколько легче вообще не знать, из чего выбираешь!

- Мы опять вернулись к началу. Знание – твой выбор, и ты вовсе не жалел об этом. До последнего времени.

Энекин поднялся с камня и принялся расхаживать по пещере, заложив руки за спину.

- Моя миссия выполнена, Галактика достигла равновесия и пойдет дальше без Избранного. В некоторой точке пространственно-временного континуума Конфедерация перестала нуждаться в советах, а Эгрис – в Хранителе. Конечно, это не означает, что мне не рады, но...

- Ты тоскуешь по возможности что-то изменить.

- Такова моя природа.

Воздух снова переместился. Это создало ощущение легкого сквозняка.

- Сколько раз я слышал подобные слова.

Энекин нахмурился:

- Секот, ты же знаешь: я не люблю, когда обо мне говорят во множественном числе!

- Прости. Людская обидчивость по-прежнему остается для меня тайной за семью печатями.

Но вернемся к твоим планам. Как я понял, выполнив свой долг перед этой вселенной, ты решил «помочь» кому-то еще?

- Люк. Его зовут Люк Скайуокер.

Невидимый собеседник сердито поцокал языком.

- Эмоции... снова эмоции. Ты хочешь переместиться в мир, где уже есть один Энекин, чтобы помочь несуществующему сыну. Так?

- В ТОЙ реальности он вполне реален.

- Не сомневаюсь. Но ты не думаешь, что два Избранных в одной Вселенной – это слишком?

- Это первый вопрос, который я хотел бы задать. Какими будут... последствия?

- Минимальными, если ты придешь, как гость... и катастрофическими, если решишься применять там свою Силу.

- Но разве отец Люка этого не делает?

- Во-первых, он – хозяин, а ты – лишь визитер. С гостя спрос особый: он пришел и ушел, а местным придется разгребать завалы. Вспомни нашу дискуссию о цене: способен ли ты все просчитать?

Хранитель задумался, а Секот не мешал ему размышлять. В пещере снова повисла тишина, но в ней не было покоя. Скорее, нетерпение, напряженное ожидание.

Наконец, Скайуокер поднял голову:

- Мой ответ – нет. Я вижу паутину времени и могу предсказать основные результаты любого выбора... но лишь после того, как он будет сделан. Таково проклятие моего дара... но кто я такой, чтобы критиковать мироздание?

- Ты – Избранный.

- Да, и это вовсе не облегчает мою жизнь.

- ДРУГИМ пришлось тяжелее.

- Ты противоречишь сам себе, Секот. Они просто сделали ДРУГОЙ выбор. Но, оставим споры. Кажется, есть еще «во-вторых»?

- Да. ТОТ Энекин не имел шанса развить все свои способности. Они были слишком необычными, слишком чуждыми философии Ордена... и технологической цивилизации Республики в целом. Таким образом, он не в силах сотворить и сотой доли Зла, на которое способен Хранитель Эгриса.

- Ты рисуешь очень мрачную перспективу, странник. Получается, что мне нельзя ошибаться?

- Именно! Впрочем, ЭТО ты знал и без меня.

- Ты мне поможешь?

Пустота издала звук, отдаленно похожий на смех.

- Я вовсе не тяну на роль бога, Энекин.

- Но ты способен осуществить переход?

- Как бы сказали люди, теоретически. Я никогда не пробовал перемещать материальные объекты.

Хранитель пожал плечами:

- Все когда-то бывает в первый раз.

- И тебя не пугает возможность... не доехать?

- Любое действие сопровождается риском. Здесь он немного больше, только и всего.

- Ты не ведаешь, что творишь... но я все же помогу тебе. Ты выбрал очень интересный Путь, и мне очень любопытно, чем это закончится.

Энекин закрыл глаза. В следующую секунду фигура человека исчезла, а в пещере зажглась ослепительно-яркая радуга. Затем все погрузилось во тьму.

То же время и место, вселенная «Звездных войн».

Гигантский мегаполис был городом контрастов: свет и роскошь наверху, грязь и нищета ниже уровня почвы. Многие здешние жители никогда не выходили на поверхность...

Лаэнна поскользнулась на сыром полу и зло, не по-женски выругалась. Называется, срезала путь! Освещение в тоннелях не предусматривалось: Империя, как и Республика просто игнорировала Подземку. Двадцать лет назад какой-то мофф предложил скинуть под землю парочку бомб, но проект заморозили. Зачем стараться? Катакомбы были привычным злом, существовавшим не первое поколение. Старожилы рассказывали, что Подземелье было основано вместе с Корусентом. И, возможно, не врал...

Девушка снова споткнулась и недовольно зашипела, потирая коленку. Она прожила под землей все свои неполные шестнадцать лет и неплохо ориентировалась в тоннелях. Но этим путем пользовались ой, как редко...

Неожиданно по грязному полу побежали радужные блики. Лаэнна подняла глаза – и застыла в изумлении. Казалось, под землей зажглось новое солнце... да нет, радуга. Мир содрогнулся – и стал другим, а сияние сгустилось в высокую человеческую фигуру...

Энекин Скайуокер открыл глаза. Внутренний хронометр показывал, что перемещение заняло не более пяти секунд, но для него, казалось минуло пять столетий. Секот был прав: он не знал, на что решается. Казалось, что Хранитель разбил картину из стекла, и отдельные кусочки закружились вокруг с веселым звоном. А потом медленно собрались в совсем иное полотно...

Когда незнакомец сделал шаг вперед, в голову девушки закралась мысль о бегстве... но ему потребовалось очень мало времени, чтобы подойти. Прохладная рука ласково легла на ее лоб. Прикосновение не казалось неприятным. Девушка посмотрела вверх: в глазах незнакомца вспыхивали золотые искорки...

Энекин, в принципе, не сомневался, что попал в нужное место... но свидетельница была весьма кстати. Здешнее пространство обладало иной энергетикой. Но разве это помеха для Избранного? Скайуокер бегло просмотрел воспоминания девушки. Шестнадцать лет крайней нужды, жизнь вдаль от солнца, сомнительное будущее... как же она несчастна! И незнакомцы, появляющиеся из воздуха – явный перебор для психики. Энекин дотронулся до ее лба, – и лицо юной замарашки расслабилось. Девушка проспит еще пару часов – и вспомнит происшедшее, как обычный кошмар.

- Приятных тебе снов, Лаэнна.

Уже идя по тоннелю к выходу, Хранитель подумал, что кое-чем обязан своей случайной знакомой. Знания об этом мире ему очень пригодятся... что ж, еще настанет время возратить долг. А пока – наверх. Его ждет Корусент!

На полу пещеры осталось лежать маленькое зернышко, крохотный росток жизни, обладающий величайшей силой. Впрочем, Секоту было все рано, каков размер временного прибежища, имела значение только ЖИЗНЬ.

Существо вздохнуло – человеческая привычка, подцепленная годы назад. Хранитель упорен, он стремится к лучшему, – и создает новые Пути. Этот мир уже не будет прежним, – Энекин изменит его. Как бы не развивались события в первоначальном варианте, теперь все будет по-другому. Только вот лучше или нет? Впрочем, не важно, ведь всегда можно попробовать еще раз. Ни в этом мире, так в следующем...

«Нам нужно встретится».

Он задумчиво смотрел на экран монитора. Три простых слова, всего три. Надпись отражалась в окулярах маски.

«Наверное, странное зрелище... со стороны».

Хотя, кто мог наблюдать за ним сейчас? И главное, кто хотел? Лорд Вейдер, человек без лица, без прошлого, даже без человеческого имени. Кого он интересовал? Именно он, а не абстрактное вселенское Зло в маске? Кто задумывался, почему он стал тем, кем был, и сделал то, что сделал? Император? Чуть! Палпатин любил ворошить прошлое, но его извращенному уму

были одинаково чужды и жалость и сострадание... впрочем, с каких это пор ему нужна жалость? Разве он не отгораживался от мира в тщетной надежде избежать позорного клейма калеки? Разве не для этого Темный Лорд работал на пределе возможностей?

Вейдер усмехнулся: очередной самообман. Он может сколько угодно уверять себя, что простые человеческие радости – чужь, недостойная внимания... но тоска никуда не исчезнет. Самый последний штурмовик на «Экзекуторе» ежеминутно делает то, что ему, Лорду, недоступно: дышит воздухом, ест, пьет, обсуждает мелкие проблемы с друзьями. Завидует ли он им? Сложный вопрос. Честно говоря. Дарту не приходило в голову рассматривать проблему в подобном ракурсе. Два месяца назад он вообще был уверен, что проблемы не существует. Большинство людей с чистой совестью назвали бы его жизнь адом, но это была его собственная преисподняя, в которой он знал каждый уголок. И вдруг появился Люк, – и все изменилось. По собственной неосторожности он шагнул за пределы узкого мирка, именуемого «Дартом Вейдером», переступил через грань, отделявшую ситха от остальных людей... и был поражен этим сравнением. Великая Сила, сколько же он упустил! Двадцать лет Галактика развивалась, шла дальше по своему пути, а он оставался на месте, закуклившись в своем личном пространстве. Он – и консерватор? Раньше он бы только рассмеялся подобной идее. Парадокс: Сила создала изменяющуюся Вселенную – и дала миру Дарта Вейдера, отрицающего идею прогресса. Не тогда ли он начал думать о Палпатине, как о безумце, не ведающем, что творит? А ведь раньше он не сомневался в правильности имперского пути. Раньше... только Сила знает, как он ненавидит это слово.

« Ты клялся, что позабыл прошлое, но на самом деле все эти годы цеплялся за него, не желая идти вперед. Ты отрицал существование Энекина Скайуокера, но Дарт Вейдер – это тупик, игрушечная личность, существующая лишь благодаря твоей трусости и слепоте. Почему ты не пошел дальше? И зачем тебе жить? Лишь для того, чтобы увидеть, как Империя найдет свой законный конец? Чтобы собственным примером доказать справедливость фразы «зло должно быть и будет наказано»? ».

Вейдер раздосадовано покачал головой: ему совершенно не нравились подобные мысли. Но, явились же они откуда-то. И упорно лезли на ум... он снова посмотрел на экран: послание никуда не делось. Прежний Вейдер стер бы его не задумываясь. А вот новый Вейдер, родившийся на Беспине, колебался. Он не сомневался в личности автора: несмотря ни на что, Сила была с ним, служила маяком среди жизненных бурь. Но... зачем ворошить прошлое? Этот человек пришел из жизни Энекина, и письмо он писал Энекину, а не Дарту. Так почему же так хочется ответить? Любопытство? Ностальгия? Стремление вновь почувствовать себя частью общества? Не стоит обманываться: прошлого не вернуть. Даже при лучшем исходе эта встреча просто разбередит старые раны. Неужели он этого хочет? Вейдер с удивлением осознал, что да. Если боль – цена возможности снова ощутить себя живым, то он готов заплатить по счетам. Чуть больше, чуть меньше – какая разница?

Лорд потянулся к клавиатуре и напечатал ответ.

- Ты думаешь, он придет? – женщина нервно мерила шагами пустой ангар.

- Должен, - мужчина не терял присутствия духа. Сиона в который раз поразила его самообладанию – если учесть, что за встреча им предстояла... она пыталась сохранить спокойствие, но сердце все равно колотилось где-то в районе горла. Столько лет прошло... это действительно страшно: встретится с собственным прошлым лицом к лицу. Зачем встречаться с ним сейчас, когда минули все сроки и нет надежды что-то изменить? Это были слова Разума, произнесенные устами Стивена, и они до сих пор звучали у нее у ушах, порождая чувство вины.

- Ты уверена, что это необходимо?

Нет, не уверена, она уже не в чем не уверена. Вся ее уверенность умерла двадцать лет назад, оставив лишь пустоту. Конечно, природу не изменишь, и в душе Сионы временами вспыхивали искры прежней решимости... но это были лишь угли от потухшего костра. Порождать новое пламя они были не в состоянии.

«Мы просто осколки прошлого, ненужные фигурки из сломанного набора, которые хозяин позабыл выкинуть. Некоторые пытаются плыть против течения, но в нас уже нет того яростного энтузиазма, способного переворачивать горы и рушить государства. Империя изменила всех нас. Даже сейчас мы не способны до конца осознать и изжить зло, посеянное в наших душах Палпатином. Он сломил нашу волю, отучив мечтать и стремиться. Даже

Стивен довольствуется ролью простого бойца Альянса, он, стоявший у истоков движения за восстановление Республики!»

Даже она редко вспоминает истинное имя этого человека. Стивен и Сиона... такова их роль теперь.

- Слишком поздно что-то менять, - ответила женщина, частично на вопрос собеседника, частично – на собственные мысли.

- Слишком поздно для многого, сенатор, - вмешался в разговор новый голос.

Несмотря на самообладание, повстанцы вздрогнули при виде фигуры в черном. Узнаваемой фигуры, наводящей ужас по всей Галактике.

- Я больше не сенатор.

- И как же мне вас называть? Сиона Рицци? Или Падме Наберрие?

- Лучше Леди Скайуокер.

Вейдер слегка поклонился:

- Как пожелаете, миледи.

- К чему этот фарс, Энекин? – вмешался Стивен.

- Где вы видите фарс, мистер Фарр? Или мне следует звать вас Стеррен Ферроу?

- Имперская разведка разыскивает меня именно под этим именем.

- Имперская разведка считает вас мертвым. Не в ваших интересах ее разочаровывать.

- Да, странная у нас встреча... этакий саммит троих покойников, - задумчиво проговорил Ферроу. Падме кинула на Стеррена короткий взгляд, поражаясь выдержке. Идейный вдохновитель Альянса, его истинный отец, его сердце... еще одна звезда, чей свет стал заметен только с приходом Империи.

«Не будь Палпатина, Галактика никогда не услышала бы о Стеррене Ферроу... и о Дарте Вейдере. У них явно есть нечто общее».

- Вы пригласили меня сюда ради порции сомнительного юмора? - холодно осведомился Вейдер.

- Я пригласила вас, чтобы поговорить о Люке.

Непроницаемая маска повернулась в сторону Падме. Лорд молчал, явно не собираясь облегчать женщине задачу.

«У него есть все причины, чтобы злиться и остается лишь молиться, чтобы эта злость не приняла особо разрушительные формы. Зная его репутацию...», - Падме одернула себя: какая нелепость! Она судит о собственном муже по слухам и сплетням!

- Ему нужна помощь.

- До сих пор он неплохо справлялся.

- Это было раньше. Ты и Люк... как Император намерен разрешить эту проблему?

- Проблему? Я не заметил никакой проблемы.

- Не лги, Энекин.

- Энекин умер, и я больше не знаю человека носившего это имя.

- Падме тоже умерла. Взгляни на меня: много ли осталось от королевы Набу?

- Годы изменили ваше лицо, сенатор... но женщина, которую я любил умерла много раньше... зачем вы приехали?

- Чтобы убедить тебя пощадить сына.

- Сына? Вы с Кеноби сделали все, чтобы я не подозревал о его существовании. И вот теперь, двадцать лет спустя...

- У меня не было выбора!

- Неужели?

Падме промолчала. Любое слово, сказанное сейчас, только усугубит конфликт. У каждого своя правда, компромисс невозможен. Она и сама не знала, насколько права была ТОГДА. Столько боли, столько эмоций... теперь важно лишь то, что ничего нельзя поправить.

- Чего ты хочешь, Падме? – Вейдер внезапно заговорил совершенно другим тоном. Похоже, независимо друг от друга они пришли к сходным выводам.

- Пощади его.

Лорд молчал. В тишине слышалось только громкое шипение респиратора. Как это сложно – все время обращаться к закрытому маской лицу, не отражающему и тени эмоции!

- Пожалуйста, пощади. Если думаешь, что я виновата перед тобой, что я оказалась плохой женой и скверной матерью - отомсти. Но мсти виновным!

- Думаешь, я сделал все это, чтобы отомстить?

- Сделал что?

- Падме, не прикидывайся простушкой. Ты прекрасно знаешь, как именно я провел последние двадцать лет.

- Тогда зачем? Зачем все эти жертвы, весь этот ужас?

- Мне было все равно. Двадцать лет ненависть была моим хлебом – и моей жизнью.

- Ненависть – средство, а не цель.

- Для кого как, сенатор, для кого как.

- То, что ты говоришь ужасно. Смерть, как благо? Равнодушие к страданиям? В какое чудовище ты превратился, Энекин? Твои руки – по локоть в крови! Сколько еще людей должно погибнуть, чтобы погасить твою ненависть к Оби-Вану?

- Не смей произносить это имя в моем присутствии!

- Почему? Он ведь мертв, мертв благодаря тебе!

- С каким наслаждением я убил бы его еще раз! Старый мерзавец умер, – но посеянное им зло продолжает жить.

- Зло? Кто ты такой, чтобы рассуждать о Зле?

- Вы правы, миледи, я – никто, просто тень без лица и имени. Но как пощадить человека, который не желает быть спасенным? Джедай Кеноби посеял ненависть в сердце Люка, так же, как взрастил ее в Энекине. И эта ненависть приведет во Тьму еще одного Скайюокера.

- Не может быть!

- Время рассудит. Но вы зря беспокоитесь, сенатор: не стану его убивать. Вопреки вашим словам, есть границы для моего падения.

- Я надеюсь на это. Очень надеюсь!

Глядя вслед повстанцам, Дарт размышлял над важной проблемой: что сделает Падме, когда постигнет скрытый смысл его обещания не убивать Люка? Вейдер усмехнулся собственной наивности: интуитивно она уже поняла истину. Едва ли бывшая жена сломя голову побежит спасать его от смерти, но сегодняшний разговор позволял надеется хоть на толику светлой грусти. Какой прогресс!

«Тебе самому как, не противно? Двадцать лет бегал от реальности, а теперь решил свести счеты с жизнью, покончить со всем одним махом. А Люк? Какое право ты имеешь взваливать на него такое бремя? Ты много говорил о том, что и врагу не пожелаешь повторения собственной судьбы... и вот теперь пророчишь ту же участь родному сыну! Где же выход?»

Вейдер резко повернулся и зашагал к оставленному на поляне имперскому лямбда-шатлу.

«Действовать – зло, но сидеть сложа руки – зло вдвойне. Что же делать?»

Темный Лорд с трудом вздохнул. Если бы он знал...

Энекин открыл глаза и задумчиво посмотрел вниз, на далекую, тающую в сизой дымке землю. Наблюдать за Вейдером оказалось куда проще, чем он предполагал... но увиденное потрясло сильнее, чем планировалось. Падме Скайюокер... он видел ее впервые в жизни, но сразу понял, что отыскал в ней тот, другой Энекин. Ему было необходимо совсем другое... может, именно поэтому Хранитель остался холостяком? Впрочем, всем его двойникам не слишком везло в личной жизни. Удел Избранного – одиночество... но признавать это отчаянно не хотелось.

Энекин повернулся спиной к километровой пропасти и посмотрел на Дворец. Именно туда вернется Вейдер... что ж, пора двум Скайюокерам встретится. Секот, наверное, назвал бы это наглым нарушением законов мироздания... ну, и Сила с ним. Он всегда любил обходить запреты...

Главный зал императорского дворца был выкрашен в алый цвет. Это было последнее новшество – одно из многих, который Вейдер не мог понять, а следовательно, и принять. Неужели повстанцы правы и их с Императором цели расходятся? Различия накапливались, но он старательно закрывал на них глаза, цепляясь за прошлое. Что есть цвет? Ощущение, не более. Результат химической реакции, происходящей в человеческом глазу под влиянием кванта света определенных качеств. Вейдер не отличался привязанностью к вещам, не понимал стремления к накоплению материальных ценностей, но с этим помещением для него было связано очень многое. Именно здесь он принял судьбоносное решение, предпочтя Палпатина Ордену. Этот

выбор полностью перечеркнул его прошлую жизнь – но Дарт редко сожалел о содеянном. Возможно, он действительно империалист? Как бы то ни было, Старая Республика и ее любимый Орден оставили ему очень мало приятных воспоминаний, и Вейдер не слишком тяготился их безвременной кончиной. Однако, ситуация повторялась снова, и алый цвет главного зала был для Лорда тревожным вестником перемен. Когда же все это началось? Со строительства Звезды смерти? С появления в армии личностей, подобных Мотти и Таркину? А, может, гораздо раньше, когда Император не дал ему расправиться с проворовавшимся сенатором, продавшим Повелителю родную дочь? Во что эволюционирует общество, если в нем выживают и множатся исключительно подлейшие? Дарт сильно подозревал, что скоро это увидит.

Вейдер стоял рядом с троним Императора, и хвалебные оды придворных сливались в нудный, монотонный шум. Его присутствие на приемах было очередным нововведением, которое Лорд не видел смысла оспаривать. Слова этих людей казались слишком напыщенными и, в то же время, неуловимо похожими, будто списанными с одного пособия по лести и хорошим манерам. Палпатин, несомненно, видел фальшь и неискренность ораторов, но, что поразительно, ему это нравилось. Как будто Император решил коллекционировать чужие пороки... возможно, чтобы не выглядеть слишком аморальным на их фоне? Или он думает об учителе слишком хорошо, и ему просто нравится быть королем этого мира подлости и двуличия?

Мысль сделала круг и вернулась к отправной точке: он перестал понимать Императора. А ведь когда-то его желания Палпатина были и его желаниями! Когда двадцать лет назад он клялся в верности Империи, Лорд искренне верил в правильность того, что они делают. Тогда, но не теперь. Повелитель изменился и его государство принимало все более уродливые формы, параллельно становясь все нетерпимее к инакомыслию, и перемены в облике Императора и его окружения только отражали общую тенденцию. Кто сказал, что белый – это цвет смерти? Она должна быть не белой или черной, а алой. Как кровь...

Лямбда-шаттл беззвучно коснулся платформы. Шаги Вейдера были такими же неслышными. Если задуматься – изрядная глупость, если учесть, что респиратор исправно сигнализирует о твоём приближении. Но привычка – есть привычка, от нее так легко не избавишься. А жизнь раба рано вбила в его голову простую истину: меньше шума – больше шансов выжить. ТОГДА все воспринималось, как должное. Это ПОТОМ появилось жгучее желание все изменить, желание, приведшее его к черной маске и месту у ног Императора.

Готов ли он рискнуть всем и снова изменить свою жизнь? Дарт не знал ответа. Возможно, пока?

Двери открылись, Лорд устало шагнул внутрь – и замер на пороге. Его покои должны быть пусты по определению – ни одно живое существо не входило сюда иначе, как под страхом смертной казни. Зловещая репутация ситха отчасти распространялась и на его жилище. Многие вполне серьезно представляли себе обиталище Вейдера гибридом султанского дворца и средневековой камеры пыток. Забегая вперед, следует сказать, что действительность бы их сильно удивила. Одно время Лорда чрезвычайно забавляли всевозможные слухи и домыслы, окружавшие его персону. Он даже собрал превосходную коллекцию карикатур и анекдотов, – люди всегда высмеивают то, чем их пытаются напугать. Однако, Палпатин посчитал такую явную самоиронию признаком слабости и приказал жестоко пресекать любые попытки «подорвать авторитет императорской власти». И Вейдер пресекал. Это распоряжение было одним из многих, которое он не одобрял, но такие мысли никогда не сказывались на качестве работы. В принципе, все, что он делал, заслуживало эпитета «безупречно»... или, как говорил Стеррен, «бездушно». И, тем не менее, так продолжалось уже больше двадцати лет, и сложившаяся ситуация, в целом, устраивала и Дарта Вейдера и его Повелителя. До появления Люка...

Как бы то ни было, сегодня традиция была нарушена: в деревянном кресле с высокой спинкой кто-то сидел. Кресло медленно повернулось... и Лорд с трудом сдержал возглас удивления. Сначала ему показалось, что в кресле сидит Люк, – сознание пыталось защититься от шокирующей истины, цепляясь за логические объяснения. Но тут на лицо незнакомца упал луч света, – и дальнейший самообман стал невозможен. Это был ОН. Немного постаревший, утративший юношескую беспечность, но вполне узнаваемый Энекин Скайуокер. Человек, которым он перестал быть много лет назад... и чей образ старательно изгонял из памяти.

- Кто ты?

Человек в кресле вопросительно поднял бровь. Жест был таким знакомым, что причинял почти физическую боль.

- А ты еще не догадался? – казалось, в голосе двойника звучало легкое удивление. Или сожаление?

- Правильнее будет спросить: «Откуда ты взялся?», не так ли? – Вейдер мимолетно задумался над вопросом, не клонировал ли его Император? С Палпатина станется... но интуиция говорила, что это слишком простое объяснение. Во время войны Дарт видел множество клонов и мог уверенно заявить: сегодняшний гость не походил на дубля. Он не мог назвать четкие отличия, но они, несомненно, присутствовали.

- Вот это будет немного трудно объяснить, - неизвестно почему, но легкий проблеск юмора, угадывавшийся в этой фразе, привел Вейдера в состояние холодного бешенства.

- А ты ПОПЫТАЙСЯ, - что-то в этой фразе стерло улыбку с лица его собеседника.

- Хорошо, - Энекин легко поднялся с кресла, и его глаза оказались как раз напротив черных светофильтров ситхского шлема. – Я расскажу тебе ВСЕ.

Видения, видения, видения... краткий миг падения в пустоту – и прошлое обступило их. Прошлое, которого не было... нет! Прошлое, реализовавшееся в другом мире...

Канцлер Палпатин откинул крышку люка и забрался на крышу. Он не слишком любил высоту, но не сомневался, что найдет здесь нужного ему человека. Капитан Скайуокер слегка повернул голову. Конечно, он сразу почувствовал, кто именно решил нарушить его уединение, но не выказал ни радости, ни неудовольствия. Политик счел это хорошим признаком.

- Почему ты приходишь сюда, Энекин?

- А почему вы сегодня здесь, сенатор?

Палпатин немного поколебался, но ответил правду:

- Я хотел поговорить с тобой наедине.

Скайуокер кивнул.

- Подходите осторожнее – крыша немного скользкая.

Предупреждение было своевременным: канцлер осторожно шел по краю, стараясь не думать о многокилометровой пропасти под ногами. Он присел на теплый металл. Садилось солнце, и последние лучи раскрашивали Корусент во все цвета радуги. Эта башня была одной из самых высоких в столице, и это создавало иллюзию подъема над городской суетой.

«*Настоящая крыша мира*», - подумал Палпатин, усмехнувшись невольной иронии собственных слов. Сумасшедший ритм его жизни не оставлял времени для созерцания, а немногие минуты отдыха ситх предпочитал проводить сидя в удобном кресле. Но сегодняшние хлопоты не казались напрасными.

- Вы еще самого лучшего не видели.

Канцлер невольно вздрогнул, выдираясь из раздумий. Энекин Скайуокер пристально смотрел ему прямо в глаза, - и этот взгляд явственно напоминал, что он не просто военный.

«*Великая Сила! Как рыцари могли упустить из собственных рук подобный талант? Этот человек давно мог стать одним из Магистров Ордена, но продолжает использовать Силу лишь интуитивно. Сколько он проучился? Год? Два?*»

Палпатин знал это с точностью до дня, как и остальные факты биографии капитана Скайуокера, но ощущал странное нежелание вспоминать. Это место, казалось, не принадлежало остальному миру, и канцлер не хотел разрушать очарование. Прошло еще полчаса. Вот погасли последние блики на крышах, солнце нырнуло за здание Сената, - и город, как по волшебству, разукрасился огнями. Отсюда, сверху, они напоминали фантастические цветы: красные, синие, желтые... над столицей стремительно сгущалась темнота, появились первые звезды.

Энекин оторвал взгляд от города и посмотрел вверх.

- Посмотрите, как много миров, сенатор. И каждый из них присылает своих представителей на Корусент. Вас не пугает... ответственность?

Сидиус не стал отделяваться дежурной фразой, а тщательно обдумал ответ. Благо, обстановка исключительно располагала к размышлениям.

- Нет. Наверное, я просто привык. Там, внизу, не ощущаешь масштабов Галактики. Кажется, что весь мир уменьшился до размеров Сената... ну, максимум, Корусента.

Скайуокер кивнул:

- Именно поэтому я прихожу на крышу.

Самое время было перевести разговор в нужное русло – благо, момент исключительно благоприятствовал, но Палпатин неожиданно ощутил укол любопытства.

- О чем ты думаешь, глядя на небо?

Энекин рассеянно накрутил себе на палец прядь волос:

- Столько звезд... когда садится корабль, кажется, что одна из них упала, - он отвел взгляд от небосвода и посмотрел на собеседника. – Вы знаете, что в таких случаях следует загадывать желания?

Тьма уже сгустилась настолько, что Скайуокер скорее угадал, чем увидел утвердительный кивок.

- В пустыне звезды тоже падают очень часто. Конечно, теперь я знаю, что это лишь метеориты, но что с того? Большинство людей считают, что пилот, глядя на небо, сразу определяет координаты и высчитывает курс. В бою это действительно так... но почему люди не понимают, что звезды могут быть просто красивы? - он осуждающе покачал головой. – Дома... на Татуине, когда падала звезда, я всегда загадывал желания. Они были разными: выиграть на гонках, выкупить маму из рабства... но чаще всего – улететь к другим мирам.

Ситх задумчиво посмотрел на собеседника:

- «Идущий по небесам»... знаешь, я всегда подозревал, что это не фамилия, а ладно севшее прозвище.

Энекин пожал плечами:

- Возможно, вы и правы... но мне нравится имя «Скайуокер».

- Пример полного соответствия этикетки и внутренней сути.

- А о чем мечтали вы?

- Изменить мир.

Эни снова в сомнении покачал головой:

- Так просто? Взять – и изменить?

- В этой жизни вообще все очень просто. Люди сознательно все усложняют.

- Ваши слова вселяют тревогу, Верховный канцлер. Я должен бояться?

- Наверное, да. Ты видишь слишком много... скрытого, чтобы не быть опасным. Такой дар рождает страх... и порождает насилие.

- Вы говорите загадками, сенатор. Следует ли мне считать это угрозой? Или предупреждением?

- Скорее, предложением. Так ли хорош тот мир, что ты видишь вокруг? Стоит ли он смерти? Сотен, тысяч, смертей?

- Ваши слова – как мед... но их смысл горчит сильнее любой отравы.

- Истина не всегда приятна на вкус, Энекин. Вопрос лишь в том, сумеешь ли ты сделать правильный выбор?

- «Сможете ли вы совершить Зло, заранее зная, что это Зло?» – процитировал Скайуокер.

Сидиус кивнул:

- Наша жизнь – это постоянный выбор среди зол. Некоторые из них рядятся в одежды добра, – но стоит ли обманываться маской?

- А как отличить маску от истинной сути? Мне надо подумать.

Палпатин поднялся на ноги.

- Думайте, капитан, думайте. Но не забывайте о главном: промедлив сейчас, можно опоздать навсегда.

Бывший джедай задумчиво смотрел вслед Верховному канцлеру, и на сердце было поразительно тяжело.

«Палпатин прав... но Оби...» - Энекин остановил сам себя: нельзя вечно цепляться за прошлое. *«Один шанс. Я дам им еще один шанс. И, да свершится все по воле Силы!»*.

- Нам нужна армия! Горстка рыцарей не спасет положение. И ты это знаешь!

- В Республике никогда не было регулярной армии.

- Мне противно слышать этот бред! – пластиковая ручка кресла с треском сломалась. Скайуокер вскочил на ноги и начал ходить по комнате, как зверь в клетке. – «Так было всегда» - вот ваша любимая отговорка! Вы цепляетесь за догмы тысячелетней давности – и не желаете

признать, что мир изменился. Совет закрывает глаза на происходящее в Галактике – и проснется только тогда, когда враги придут за их головами!

- Энекин! – полные крамолы речи младшего форсюзера заставили Оби-Вана повысить голос. – Ты отверг путь Ордена, как неправильный... пусть! Но это не дает тебе права обвинять Совет в...

- Уклонилизме? – Скайуокер резко рассмеялся. – Я люблю тебя, как брата, Оби-Ван, но просто не могу потворствовать подобному самоослеплению. Если бы дело касалось только джедаев – я, не задумываясь, махнул бы рукой. Пусть получают, что заслужили! Но сейчас речь идет о государстве... ты еще помнишь такое слово?

- Мне не понятен твой сарказм.

- Действительно? – теперь Энекин грозно нависал над сидящим в кресле Кеноби. Руки в боки, глаза горят, лицо побледнело от гнева. – Я объясню. Не все, что является благом для Ордена Джедаев, есть благо для породившей его Республики. И наоборот.

- Словесные игры.

- Неужели? А как тебе нравится миллионная армия, полностью подконтрольная Палпатину?

- Так... теперь камни полетят и в огород верховного канцлера?

Энекин открыл рот для ответа, но осекся и лишь покачал головой. Весь его задор как-то угас.

- Ты дурак, Бен. Добрый, честный, справедливый... но все же дурак. Палпатин получит то, что хочет, – а хочет он все. Республике нужны реформы, – но армия клонов сделает этот процесс неконтролируемым. Ей нужен противовес... неужели ты ЭТОГО не понимаешь?

- Я боюсь за тебя, Эни. Почему ты все видишь в столь черном свете? Как верховный канцлер, выведший республику из величайшего в истории кризиса, может быть злобным властолюбцем? Ты идешь по краю Тьмы, рыцарь джедаев!

- Я не джедаев, Оби-Ван. Наши пути с Орденом разошлись много лет назад... и мне не хочется дискутировать о том, кто в этом виноват.

- Энекин...

- Нет! Не сердись, Бен, но мы смотрим на мир под разными углами. Будем надеяться, что прав именно ты... а я – всего лишь паникер и перестраховщик.

Кеноби с готовностью пожал протянутую руку Скайуокера, но не обратил внимания на странную задумчивость его взгляда. Впрочем, Оби-Ван вообще не отличался наблюдательностью...

Двери отворились. На фоне трехметровых створок высокая фигура в военной форме казалась совсем маленькой. Сегодня Энекин надел парадный мундир, на рукаве которого не было свободного места от нашивок. Сослуживцы шутили, что носили бы такой пиджачок не снимая, но Скайуокеру претила дешевая популярность. Он не любил быть на виду, – но пять лет Клонских войн сделали Энекина легендой. Лучший стрелок, лучший пилот... лучший солдат республиканской армии. Внешне Палпатин сохранил полнейшее спокойствие, но сердце забилося немного чаще. Энекин... здесь! Как интересно...

- Капитан Скайуокер... к чему эта официальность?

- Я принял решение, господин канцлер. Вы хотели бы его узнать?

Палпатин кивнул. Энекин быстро пересек зал.

- Республика исчерпала свой запас, у ее руководства нет ни сил, ни желания для прогресса. Даже Орден джедаев самоустраивается от борьбы.

Капитан преклонил колени:

- Я принимаю ваше предложение и клянусь в верности Империи.

- И как же долго ты будешь мне верен... Энекин?

Скайуокер встретил взгляд Палпатина, не дрогнув:

- Пока вы не **ОСТАНОВИТЕСЬ**.

- Значит, и там я остался с Императором, - задумчиво протянул Вейдер.

Энекин кивнул:

- По-видимому, это доминирующая пространственно-временная ветвь, лучший выбор... с ряда точек зрения.

- Ты повторяешь слова Кеноби, - в голосе ситха зазвучали нотки обвинения.

- Прости. Старик временами говорил умные вещи.

Вейдер замолчал, обдумывая полученную информацию. Энекин не вмешивался. Наконец, Дарт кивнул, видимо, придя к какому-то выводу.

- Ты сказал: «доминирующая пространственно-временная ветвь». Значит, есть и другие варианты?

- Конечно, просто их намного меньше. Часто ли ты сомневался в правильности имперского Пути?

Вейдер поежился. Подобные сомнения часто посещали Темного Лорда в последнее время.

Энекин решил принять молчание двойника за согласие:

- По-видимому, все Скайуокеры в душе империалисты...

«Еще один намек на Люка, – и я взвою».

- А ты не мог бы... гм, намекнуть на альтернативы?

- Одна из них – перед тобой. В моем мире не существовало Палпатина, а, следовательно, и нашего альянса.

- А другие?

- Что ж... еще одно путешествие?

-

Их снова затянуло в сверкающий водоворот.

Несколько дней назад ЭТО было обычным городским кварталом, радующим взгляд нежной зеленью и блеском цветных витражей. Уютное великолепие тихих дворишек создавалось годами... но хватило всего десяти секунд, чтобы его разрушить. Рыжие языки пламени придавали дымящимся развалинам гротескный вид. Жителям еще повезло: все, находившиеся в радиусе двух километров от Храма, и вовсе превратились в пепел. Впрочем, людям повезло относительно...

Энекин опустил бинокль и улыбнулся: раньше дома преступников сжигали, а место, где они стояли, посыпали солью. Что ж, орбитальная бомбардировка вполне способна заменить древний ритуал: на оплавленном в стекло камне не вырастет даже сорняк. Пожар разгорался, появились первые звуки: грохот разбираемых завалов, горестные крики и причитания. Впрочем, население знало, чем рискует, оказывая покровительство джедаям. Острые глаза Темного Лорда заметили толпу беженцев, бредущую к оцеплению. Что ж, сети расставлены, – пора ловить рыбку. Через секунду на крыше стало одной тенью меньше...

Ангар, в который штурмовики сгоняли пленных, быстро превратился в подобие сумасшедшего дома. Впрочем, если учесть, что на столь ограниченной площади собралось более двух тысяч мужчин, женщин и детей, шума было не так уж много. Капитан Оз Райм давно перестал удивляться этому феномену. Одно слово – гражданские. Такие люди напоминают моллюсков: живут в своих уютных ракушках, плюя на окружающий мир. Женятся, разводятся, рожают детей, толкуют о политике и кажутся себе очень умными и решительными. А когда скорлупа лопається под железной пятой АТ-АТ, смельчаки разом поджигают хвосты и ведут себя, как шааки на бойне.

А что, неплохая аналогия... особенно учитывая то, что их ждет. Правосудие не знает жалости... а ситхи - и подавно.

Из темноты вынырнула одинокая фигура в плаще. У входа толпилось полно штурмовиков, но посланец Императора шел, как по чистому полю. Люди не приближались к нему ближе, чем не полметра – видимо, рефлекторно. Не успел Райм восхититься подобной ловкостью, как ситх оказался рядом. Ледяной взгляд Лорда заставил капитана вытянуться в струну: от мальчишки исходила аура Власти, а это невозможно игнорировать.

- Вы отлично потрудились, капитан, - голос юнца оказался прекрасно модулированным баритоном. Он просто создан для того, чтобы повелевать массами... и посылать их на смерть с улыбкой на устах.

Что Оз мог ответить на подобный комплемент?

- Служу Императору, милорд!

Губы ситха тронула легкая улыбка:

- Не сомневаюсь, что он оценит верность по достоинству.

Райм подумал, что подобные слова в устах адепта Темного Ордена звучат ой, как двусмысленно... но в этот момент посланец Императора откинул капюшон.

- Эни! – вопль легко перекрыл гам ангара, – и люди замолкли в недоумении.

Энекин удивленно оглянулся... и с трудом признал в этом лохматом типе в грязной одежде бывшего падавана Квай-Гона. Как его там? Ах да, Оби-Ван.

Оз Райм дал знак штурмовикам – и пугало в лохмотьях выбралось на площадку. Наметанный взгляд капитана мигом определил, что человеку лет тридцать пять - сорок. Но копоть пожара и горе, застывшее на лице, сделали из Кеноби старика.

«Что ж, видели и такое...»

- Эни, хвала Силе, ты жив! Я искал тебя долгие годы! Глупый мальчишка, зачем ты убежал? Квай-Гон был уверен, что Совет передумает!

Ситх приветливо улыбнулся, и джедай радостно кинулся в раскрытые объятия. А в следующую секунду на лице Кеноби появилось детское удивление: тонкое четырехгранное лезвие вошло в плоть, как в мягкое масло. Витая рукоять слегка дернулась, когда сердце, не смирившееся со смертью, попыталось сократиться еще раз. Оби-Ван почти не почувствовал боли – только ноги подломились, и он бессильно повис на руках Скайуокера. Энекин улыбнулся и пристально посмотрел в глаза умирающего. Капитан содрогнулся. Помимо естественного отвращения, которое испытывает человек, оказавшись рядом с чудовищем, вояку тревожила мысль о том, откуда у ситха нож. Форсюзеры традиционно ассоциировались только с лайтсейберами... а у Темного Лорда, оказывается, по козырю в каждом рукаве.

«Скорее бы он уехал».

С душевным покоем на ближайшие сто лет можно смело распрощаться...

- Твой джедайский ум не способен понять одну простую истину, Оби-Ван. Зачем ждать подачек... если можно получить все и сразу?

Кеноби не ответил. Ситх уронил мертвое тело на землю и равнодушно вытер клинок об одежду. Затем повернулся к толпе:

- Смотрите! Вот лежит джедай, ради которого вы преступили Закон! Стоил ли он подобных жертв? Впрочем, неважно. Ваш ответ ничего не изменит. Сегодня вы увидели, как легко умирают форсюзеры, – пусть это будет последним зрелищем в вашей жизни.

Дожидавшись этой фразы, Райм опустил руку... и солдаты открыли огонь. Через двести секунд в ангаре не осталось ничего, кроме трупов. Здание облили горючим и подожгли. С борта своего истребителя Энекин отчетливо видел гигантский костер.

«Погребение с подобным размахом как раз соответствует джедайским амбициям. Правда, не думаю, что ты мечтал именно об ЭТОМ, Оби-Ван».

Крошечный корабль устремился на восток. Навстречу солнцу...

- Как все прошло, мой мальчик? – Император отложил в сторону очередной указ и поднялся навстречу ученику.

- Все было так, как вы предсказывали, Повелитель, – в голосе младшего ситха слышалось неприкрытое восхищение. Сидиус был его идеалом, образцом, к которому надо стремиться. И он его достигнет, ибо для Дарта Вейдера нет непреодолимых препятствий!

Казалось, что желтые глаза Сидиуса теплели, останавливаясь на ученике. Все остальные были неудачниками, полудрагоценными камнями, которые не жалко выбросить на свалку, а Энекин сиял, как настоящий бриллиант. Глубокого, черного цвета. Конечно, ему еще многое надо узнать... но Дарт Вейдер был полон желания учиться. Скоро, очень скоро, он догонит учителя, а потом, возможно, и превзойдет его по возможностям. И тогда Галактика узнает подлинную мощь Ордена ситхов!

«Эта Вселенная – наш корабль, мой мальчик. И именно МЫ будем решать, куда и зачем ему плыть. Да! Все будет именно так, как я предвидел...»

- Знаете, учитель. На задании произошел один любопытный инцидент...

Дарт Сидиус вопросительно поднял бровь.

- Я встретил Оби-Вана Кеноби. Дурачек заливался слезами и утверждал, что магистры сделали бы мне одолжение... после долгих уговоров.

Они одновременно улыбнулись шутке.

«Глупцы! К джедаям явился Избранный, а они отвернули носы от его возраста и рабского происхождения».

Палпатин не спросил, что случилось с Кеноби: какой джедай останется жив, встретив ситха? Раньше ему приходилось наступать на горло собственному темпераменту, юлить и изворачиваться. Раньше, но не теперь.

Двое ситхов с улыбками смотрели на утренний Корусент, а Галактику стремительно покрывала Тьма.

И в этой реальности у нее не было НИКАКОЙ НАДЕЖДЫ.

- Как видишь, ты – далеко не худшая из наших ипостасей.

Вейдер задумчиво покачал головой:

- Трудно осознать, что я... или ты действительно могли стать ЭТИМ. Окуляры маски пристально уставились на двойника: - Что ты на самом деле думаешь обо мне?

Энекин рассеянно заложил руки за спину:

- Ты вызываешь у меня поразительно смешанные чувства. С одной стороны – это несчастье... взгляд Скайуокера скользнул по черным доспехам. – Думаю, тебе досталось больше всех. Но с другой... у тебя есть Люк.

Обожженные губы скривились в презрительной усмешке:

- Да, Люк. Сын, который меня ненавидит.

- Неужели это хуже, чем если бы его не существовало?

Несколько секунд тишину нарушало лишь шипение респиратора.

- Нет. Ты совершенно прав: Люк... и его мать – лучшее, что было в моей жизни. И все это я умудрился потерять.

Энекин положил руку на обтянутое доспехами плечо – вольность, на которую не решался даже Император. С тех пор, как ЭТО произошло, к нему рисковали прикоснуться лишь дроиды. К тому же, их не пугало обезображенное шрамами лицо.

- Мне жаль, что так вышло.

Дарт хотел сказать, что ему не нужна жалость... но неожиданно передумал. Слова Хранителя – простая констатация факта. Что удивительного в том, что Энекину Скайуокеру жаль СЕБЯ? Вейдер осознал, что впервые рискнул отождествить Темного Лорда с этим человеком. Смотреть на Хранителя – все равно, что видеть отражение в зеркале... вот только ЭТОТ Энекин мало напоминал то, что показывали ему зеркала последние двадцать лет.

- Мне тоже.

Повисла неловкая пауза.

- Неужели за двадцать лет не стало даже чуточку лучше? Я мог бы...

Вейдер покачал головой:

- Хватит напрасных надежд. Я пробовал вылечиться много раз – и каждая неудача причиняла боль, сравнимую с реальной раной.

- А разве можно поднять себя за волосы? Наша сила родственна, но я... скажем так, другое живое существо. Что ты теряешь?

- Душевный покой, - буркнул Вейдер. Конечно, мысль была соблазнительной...

«Оказывается, я тоже могу быть убедительным».

- И что надо делать?

- Ну... маску ты снять не можешь? Тогда дай руку.

Темный Лорд протянул было правую, но двойник покачал головой.

- Нет, НАСТОЯЩЮЮ.

Пальцы сразу зацепало, как будто они попали в слабое электрическое поле. Последним четким воспоминанием было золотое сияние, разливающееся по черным доспехам.

Сознание вернулось так же внезапно, как и пропало. Вейдер обнаружил, что лежит на полу, а тени уже значительно удлинились. Похоже, он отключился на несколько часов. Странно... лежал без движения, а вымотался так, будто совершал кросс по Звезде Смерти. Сидящий в кресле Энекин тоже выглядел весьма бледно... Дарт попытался припомнить, что происходило во время сеанса – но не смог. В памяти обнаружились неприятные пробелы, обычно сопутствующие злоупотреблению алкоголем. Вейдер сел, с трудом удерживая проклятия: ныли все мышцы до единой. Глаза двойника моментально открылись.

- Посмотри...

- Что?

- Посмотри, что получилось.

- Ну, ничего себе, исцеление! Если меня лечили, то почему я чувствую себя, как после недели беспробудного пьянства?

Хранитель улыбнулся аналогии:

- Я забрал много силы... у нас обоих. Так что теперь нам одинаково плохо. Но... какой-то результат достигнут.

- И... какой?

- Максимум, что можно сделать с такими ресурсами. Я же сказал – ПОСМОТРИ.

«Посмотри» – в смысле «сними шлем»?

По спине побежал предательский холодок... но любопытство оказалось сильнее. А вдруг... что-то действительно изменилось?

Оборудование медицинской камеры работало идеально. Миг и он освободился от привычных доспехов. Здесь, конечно, не было зеркал, но результат лечения можно проверить и другим способом. Левая, живая ладонь привычно легла на датчики. Камера открылась...

Как это непривычно – снова дышать воздухом! Вейдер и сам не мог понять, что преобладало в его чувствах – радость или удивление. Лечение помогло! Осталось только одно: Лорд обернулся. В его апартаментах не было зеркал – они казались гнусной насмешкой над хозяином, но полированный камень их вполне заменял. Тонкие нитки шрамов остались на месте, но отражение вовсе не выглядело уродливым. Теперь они с Хранителем действительно напоминали близнецов... или, скорее, оригинал и бледную, слегка подпорченную копию. Впрочем, оригиналом в этом мире являлся именно он...

- Иногда я сам нам удивляюсь, - Энекин обогнул камеру и задумчиво уставился на их отражение. – Как думаешь, Дарт, зачем подобная Сила была отдана в человеческие руки? Можно ведь ТАКОГО натворить...

- Ты вдумайся, КОМУ ты про это говоришь? Хотя... не знаю. Ты же сам рассказывал, что цель Вселенной – равновесие.

- Говорил... но мне, знаешь ли, не слишком нравятся способы его достижения.

Вейдер отвел взгляд от двух отражений на стене и посмотрел прямо в лицо двойнику.

- Значит, у нас есть нечто общее.

Хранитель непроизвольно хихикнул.

«Интересная фраза в разговоре двух абсолютно идентичных личностей. «Что-то общее!» Хотя... с некоторыми из Энекинов у меня, действительно, меньше общего, чем с вонгами... или с тем же Секотом.»

- И что дальше? – вопрос Вейдера вывел его из задумчивости.

- Дальше?

- Да, дальше. Ты ведь не просто так сюда заявился. Каков твой план?

«Ну и ну... сразу в лоб. Да, пожалуй, я начал понимать преподавателей, ругавших мой характер. Если уж мне трудно общаться с СОБОЙ, то каково им?»

Проблема заключалась в том, что этот ПЛАН находился в стадии разработки... а то, что придумано сильно тянуло на психушку.

Но Энекин все же РАССКАЗАЛ...

В принципе, Скайуокер ожидал криков, ругани или любых других шумных форм протеста, но двойник промолчал. Казалось, Вейдер напряженно размышляет. Наконец, ожидание стало невыносимым:

- Ну?

Лорд поднял взгляд:

- Энекин... если Император хоть краем уха услышит о твоём плане, он поотрывает нам руки, ноги и головы. И очень порадует, что это можно совершить дважды.

- Значит, ты отказываешься?

- Я этого не говорил. Конечно, есть ряд технических трудностей... но задумка выполнима.

Сейчас, когда решение было принято и озвучено, Хранитель внезапно почувствовал неуверенность. Не слишком ли он много на себя берет? Так перекраивать судьбы мира, причем ЧУЖОГО! Все, что Секот говорил о невмешательстве, не стало выдумкой за прошедшие сутки... но ведь он только и делает, что вмешивается! Ну, ладно, подслушивание, подглядывание... даже помощь в лечении Вейдера можно было как-то оправдать. Но то, что они собираются сделать сейчас сулит о-го-го какие последствия. И Энекин не был уверен, что готов.

Дарт, надо отдать ему должное, правильно уловил суть проблемы... и явно не собирался принимать решение за него. Скайуокер вздохнул, отмечая сомнения: сказал «а» – надо говорить и «б». В конце концов, им ли бояться трудностей!

- Что ж, как говорится, «раньше сядешь»...так что за проблемы?

- Во-первых, у нас нет денег.

- Нет денег? У второго человека в Империи?! Только не говори, что Палпатин задолжал тебе жалование за двадцать лет!

Вейдер пожал плечами:

- Мне редко требовались наличные.

- Да уж, - Энекин обвел полупустую комнату выразительным взглядом. – Но как же имперские расходы? Неужели тебе всегда выдавали деньги с точностью до кредита?

- Ты плохо думаешь об Императоре. Он давно не затрудняет себя такими мелочами. У меня есть номер его личного банковского счета, откуда я могу снять любую сумму.

- Так в чем проблема?

- То, что мы хотим сделать, очень напоминает... воровство.

- О, Сила, только этого нам не хватало! Можно подумать, что после твоих манипуляций Империю объявят банкротом!

Вейдер только упрямо сдвинул брови, и Скайуокер решил применить хитрость:

- А если предположить, что мы просто взыскиваем долг? Неужели ты не заработал пару тысяч кредитов?

- Палпатин финансирует антиимперскую деятельность? – на лице Дарта появился слабый намек на улыбку. Энекин поздравил себя с первой победой.

- Ну, так бывает куда чаще, чем кажется. А проблема номер два?

- Ты хоть отдаленно представляешь, что будет, если мы появимся на улицах в таком виде?

Скайуокер признал, что они являют собой престранную парочку: один – в золотистой одежде неизвестного на Корусенте фасона, а второй – в черном наряде, весьма смахивающим на джедайский. А, если учесть еще похожесть лиц, – имперская тюрьма обеспечена.

- А здесь нельзя раздобыть менее приметные костюмы?

- Разве что парочку императорских мундиров.

- Что ж, тоже приемлемый вариант. Ладно, мы выходим из дворца, покупаем новую одежду, а потом... кстати, а как мы выйдем? Я отвел глаза всем встреченным имперцам, но с двумя незнакомцами этот трюк не сработает.

- Думаю, мой вариант тебе не понравится, - Энекин проследил за взглядом Лорда.

- О, нет! Ты, наверное, шутишь! А если Император решит выглянуть в окошко, мы скажем, что случайно пролетали мимо?

- Не волнуйся, нам надо не вниз, а вверх. Это недалеко, - Вейдер внимательно посмотрел на Хранителя. – Только не говори, что ты боишься высоты.

- Обычно нет. Но путешествие по наружной стене двухкилометрового небоскреба не укладывается в мое понимание храбрости. Это настоящее безумие!

- Напомни-ка мне, чья это идея?

- Наверное, у меня было временное помрачение рассудка, - несмотря на эти слова, Энекин решительно перекинул ногу через подоконник. – Утешает только одно – если я упаду, то только вместе с тобой.

- Эй, герой! Притормози, - на сей раз в голосе Лорда послышалась легкая насмешка. – Ты ведь еще не выслушал, куда ползти.

Было уже далеко за полночь и водитель спидера сильно торопился. И дернула же его нелегкая срезать путь через этот район! Императорский дворец был самой охраняемой цитаделью в галактике, но преступный мир Корусента выгодно сросся с официальной властью и вершил свои темные дела прямо под его стенами. Зато обычным людям шататься здесь крайне не рекомендовалось... водитель инстинктивно затормозил, когда две темные фигуры появились прямо перед капотом. И тут же обругал себя дураком: надо было гнать во всю прыть. Не то время и место, где можно встретить порядочных людей! Рука сама собой потянулась к припрятанному под сиденьем бластеру (явная контрабанда!), но тут один из незнакомцев шагнул вперед... и пальцы словно застыли в воздухе. Внешне – ничего особенного: человек в имперской униформе - так одевалось пол-столицы. Но вот глаза... два бездонных омута синего льда. В них не было

угрозы, но от холода этого взгляда по спине ползли мурашки. Мужчина медленно убрал руку от оружия, и имперец подошел поближе. Теперь водитель мог лишь посмеяться над своими страхами: ледяные глаза, привидится же такое! Он и в самом деле нервно рассмеялся, и ночной прохожий слегка улыбнулся в ответ.

- Прости, если испугали тебя, почтенный. Не подвезешь ли ты нас с братом до площади Сената?

Теперь его спутник тоже вышел на свет, и водитель сразу заметил семейное сходство. Синие глаза, светлые волосы... красивый парень, ничего не скажешь! Когда-то он смертельно завидовал вот таким высоким красавцам, считая их баловнями фортуны. Теперь вот постарел и поумнел. Старшего из братьев красавцем назвать было сложно... но он не решился бы ему отказать. Даже, если бы ехал в другую сторону. По счастью, это было не так: его дом как раз стоял возле Сенатской площади, и водитель спидера еще успел удивиться совпадению: как им может быть настолько по пути со случайными попутчиками, встреченными ночью на многомиллиардном Корусенте? Указанный адрес находился на расстоянии четырехчасового перелета! Как бы то ни было, он кивнул головой, и попутчики быстро запрыгнули в машину. Водитель привычно вдавил педаль акселератора, и младший из имперцев тихо охнул, когда огни ночного города превратились в полосы.

«Надо же! Никогда бы не подумал, что в Империи остались люди, боящиеся летать...»

Энекин помотал головой, пытаясь унять дурноту. Как только люди переносят подобные полеты! Сидишь в металлической коробке, полной запахов отвратительных химикатов, плюс тебя еще и болтает, как лист во время бури. Интересно, почему жители этой Вселенной так заиклены на технике? Живые корабли Зонамы и вонгов-пришельцев намного приятнее... и не надо беспокоиться, что в полете от них отвалится какая-то важная часть. А вот Дарт явно наслаждался полетом... Хранитель поймал себя на том, что чувствует себя спокойнее, ориентируясь по его реакциям. Ведь Вейдер принадлежал этому Пути. Впрочем, черная броня давно отделила его от обычной человеческой жизни, так что преимущество двойника было не так уж велико... удивительно, но вместо удовлетворения эта мысль принесла с собой тревогу. Смогут ли они выполнить то, что собираются? Дарт, похоже, решил не обременять себя лишними сомнениями, — его присутствие в Силе излучало спокойствие. Покой и холод... но, не стоит обманываться! Вейдер — далеко не такой черствый сухарь, каким прикидывается, — после совместных путешествий по Путям Энекин мог сказать об этом со всей определенностью. А скорость, с которой он перешел из состояния пассивного созерцания в режим повышенной боеготовности, поразила даже много видевшего Хранителя. Этот человек не понял, как близко от него прошла Смерть... и что он должен благодарить всех Богов сразу за то, что убрал руку с бластера. Неужели почувствовал? Скайуокер удивленно покачал головой. Он всегда считал, что Темные должны вариться в котле необузданных страстей и эмоций, ненавидеть всех и убивать, выплескивая ненависть. Дарт был не таков. Без сомнения, он убил бы водителя — быстро и бесшумно, как истинный профессионал. Если бы им вдруг пришлось сражаться... Энекин вовсе не был уверен в конечной победе. Хотя там, дома, могущество его Света было неоспоримо. Хранитель поднял руку и тонкие пальцы, повинаясь его воле, засияли золотом. Ладони Мастера и Целителя, не привычные к оружию... а вот у Вейдера — протез вместо кисти, а его руки привыкли скорее наносить раны, чем их исцелять. Жизнь Хранителя Эгриса тоже не была безоблачной, ему приходилось сражаться — и убивать, но его орудиями были Слово и Сила. Энекин достиг небывалых высот в управлении жизненной энергией, и смог договориться даже с вонгами — особенно, в свете того, что их живые орудия не могли (и не хотели) причинять ему вред. С бластерами этот фокус не пройдет: в них нет жизни, а, значит, нет и Силы. Похоже, ему придется пересмотреть взгляды на многие вещи... в том числе и на то, что Хранитель, наделенный Могуществом не должен брать в руки оружие, созданное, чтобы разрушать.

Дарт смотрел на звезды. Каждый раз, когда Энекин отвлекался от вороха разноцветных тканей, представлявших из себя одежду этого мира, он видел одну и ту же картину. Хранитель вздохнул: равнодушие Вейдера определенно лишало его удовольствия от примерки. Как это неразумно — отказываться от полноты чувств, восхитительной гаммы эмоций, порождаемых новыми ощущениями!

«Может, он считает, что интерес к предметам гардероба не к лицу Лорду Империи?»

Скайюкер нахмурился, отчаянно пытаясь понять логику двойника. Конечно, он – человек, выросший в этой вселенной, а не пришелец с иного Пути... но, если бы он, Энекин, был двадцать лет прикован к доспехам (ужасная перспектива!), и, внезапно, лишился этого бремени, то... то стремился бы к позабытым ощущениям еще с большим энтузиазмом! А этот... похоже, Дарт не лгал, говоря о своем равнодушии к вещам. Одежда, на которую он сменил свой мундир, была угольно-черной, а настоятельные просьбы Энекина купить что-то поярче легко пресек один снисходительный взгляд. Однако, исследованиям Хранителя он не мешал и просто сидел, глядя на звезды... уже полтора часа. Скайюкер придирчиво посмотрел в зеркало: да, новая одежда сидела, как надо. По крайней мере, на пугало не похож... хотя антрацит – явно не его цвет. Глядя на отражение, он вновь поразился собственному выбору: лицо, прежде казавшееся почти юным, внезапно постарело, а в глазах появился странный отблеск. Теперь Энекин выглядел почти на свой настоящий возраст, хотя и казался... ну, значительно, что ли. Его удивила подобная метаморфоза: раньше он никогда не носил черного и не мог сказать, почему сегодня выбрал именно так. Разум говорил, что не стоит лишний раз подчеркивать их с Вейдером сходство, что это подозрительно, но Энекином овладело какое-то необъяснимое упрямство. Подойдя к Дарту, он заметил первое положительное последствие своей выходки: прежде непроницаемо-спокойное лицо двойника вытянулось от удивления. Хранитель ответил широкой улыбкой.

На сей раз он не пытался скрываться: просто сидел на какой-то трубе, болтая ногами и подставляя лицо солнцу. Падме остановилась, будто налетев на стену. Стеррену пришлось даже поддержать экс-сенатора за плечо, иначе женщина бы просто упала. Впрочем, он тоже смотрел на происходящее с недоверием. Этого не может быть! Как будто и не было двадцати лет мрака и лишений, искалечивших их тела и души. Энекин... совсем такой, каким они его помнили. Густые волосы, открытая улыбка, глаза, жадно распахнутые навстречу новому. Скайюкер всегда был младше Падме и Стеррена, но в прошлом этого не ощущалось. ЭТОТ Эни, казалось, годился собственной жене в сыновья. Леди Скайюкер шагнула вперед, не чуя под собой ног. Шаг, другой... еще один. Происходящее казалось миражом, который можно спугнуть, подойдя слишком близко. Она хотела произнести имя – ЕГО имя, столь старательно изгоняемое из памяти.

«Энекин, моя единственная любовь... наверное, это – жестокая насмешка, обман зрения. Я ведь знаю, что ты не можешь вернуться...»

- Эне..., - слова замерли у нее на губах. Краем глаза, Падме уловила движение в тени арки, и замерла, как испуганный зверек, зажатая в тиски между прошлым и настоящим. Его черные одежды сливались с окружающим полумраком, и в темноте выделялось лишь бледное пятно лица. Арка бросала тень на знакомые до боли черты, слегка измененные изломанными линиями шрамов, но этого человека она узнала бы и в темноте. Дарт Вейдер шагнул вперед:

- Леди Скайюкер... готовность, с которой вы пришли на эту встречу не может не льстить. Неужели Стеррен не убедил вас, что я – не тот человек, с которым уместно безоглядное доверие?

Кровь бросилась Падме в лицо... прошло несколько секунд, прежде чем она сообразила, что вопрос не подразумевает и грамма иронии. «Ему действительно любопытно».

- Если бы вы хотели причинить нам зло, то давно бы уже это сделали... милорд.

Нет, никогда она не сможет сочетать это лицо с именем Лорда Вейдера. Он был абсолютно прав, нося маску. Конечно, к тому были медицинские показания, но все же... ученик Палпатина виделся безликим Злом, отвратительным знаменем Империи. Его было легко ненавидеть... почти так же легко, как дышать. С этим человеком – с ее мужем – все по-другому. Второй мужчина, который мог быть только призраком, подошел поближе, упорно отказываясь исчезать. Вейдер с легкой улыбкой смотрел на удивленные лица повстанцев.

- Это – Энекин. И, он, собственно, и является причиной, по которой мы здесь...

Потрепанный кораблик виртуозно лавировал между орбитальными дворцами и доками, заполнявшими пространство вокруг Корусента, а Хранитель осторожно поглаживал пальцами стекло иллюминатора, и – не верил. Их план казался безумным: человек, похожий на Вейдера и им же рекомендованный, внедряется в секретную организацию по борьбе... да против того же Лорда, в частности. Бред, не правда ли? Но... все прошло с потрясающей легкостью. Удача радовала, но вот сопутствующие мысли... Энекин впервые серьезно задумался над тем, что же заставило этих людей, еще вчера – непримиримых врагов, так рисковать? Что они, собственно, знали о его целях – эти незнакомцы, с печатью суровости на лицах? Вейдера – да и повстанцев

тоже, сложно было заподозрить в наивности, и еще сложнее – в альтруизме. Они не были злы – но ЭТА Галактика не слишком то располагала к сантиментам – и милосердию. Сложно сказать, было ли это влиянием войны – или просто тлетворным следом Палпатина, но жалость, определенно, не являлась основополагающим мотивом их действий. Но... ему даже не пришлось их уговаривать! Все это порождало в Хранителе чувство, что он пропустил нечто важное. Видимо, отношения Сиона - Дарт – Стивен были куда сложнее, чем он предполагал. Энекин поерзал, пытаясь найти удобное положение и, с невольным раздражением, услышал металлический скрип из недр кресла. *«Любовь к машинам когда-нибудь погубит эту цивилизацию!»*

Гнев мгновенно сменился ощущением стыда:

«Помощничек, называется! Влез, куда не звали, прибыл непрошеным, а теперь вместо того, чтобы заниматься делом, утешаю раненую гордость мыслями, от которых на световой год разит ксенофобией!»

Хранитель Эгриса всегда считал себя терпимым человеком. Даже самые странные существа вонгов не вызывали у него брезгливости, ибо в них – во всех! – присутствовал Свет Силы. Пусть немного – крупница, молекула, но этого хватало. А теперь Энекин с удивлением почувствовал себя в шкуре собственных противников, радикалов, считающих, что подобные искажения природы не имеют права не только на понимание, но даже на жизнь.

«Неужели все дело в зависти? Эти люди, которых я, в глубине души считал если не глупыми, то... заблудшими, знают нечто, от меня ускользнувшее? Сила, неужели все дело в гордыне?! Хотя... глупо ждать, что ты мне ответишь.»

Ведомый опытной рукой, маленький корабль, наконец, выбрался в открытый космос, – и звезды мгновенно превратились в полосы. Здесь не хотели рисковать. Дверь рубки открылась, оттуда выскользнул спутник Падме (кажется, Стеррен?) и ободряюще улыбнулся.

- Через семь часов будем на месте. Как насчет чашки кафа?

- Ты не такой, как он, - Энекин от неожиданности поперхнулся. Хранителя было нелегко смутить, но пронизательный взгляд Стивена заставлял чувствовать себя неудобно. – Сложно поверить, что вы... братья?

Вроде бы и не вопрос, но в голосе собеседника слышалось осторожное сомнение. И еще что-то... возможно, насмешка? Похоже, он недооценил этого человека. Новый прокол... один из многих. Вначале все казалось таким простым - как и всегда, когда смотришь со стороны. А стоит вмешаться, – и ласковое озеро оборачивается трясинной. Хранитель задумчиво отхлебнул напиток. Странный вкус.

- И чем же мы так отличаемся?

Фарр пожал плечами:

- Это сложно сформулировать. Ты словно несешь с собою свет, и это притягивает. Твое сияние красиво, но лишено тепла. Возможно, именно поэтому ты скользишь по жизни, как гость, избегая привязанностей?

Энекин резко отодвинул чашку. Этот человек слишком много себе позволяет! И, все же... часть правды в его словах все же присутствует. Он и сам думал об этом. Хранитель Эгриса, свободный от жизни... да, скверно получается: хотел прощупать Фарра, а выслушал много нового о себе. Однако, любопытство Скайуокера было задето.

- А... Дарт?

Стивен хмыкнул:

- Его сложно назвать светом... скорее уж, пламенем. Когда оно приручено, то согревает и дарит тепло, но, если вырваться... знаешь, временами мне кажется, что Вейдер слишком долго горел в собственном огне, и теперь там остались только угли. Ты заметил, как он себя ведет? Эмоциональный всплеск – и долгие недели спокойствия. Только это не покой, а усталость... истощение если хочешь, - Фарр бросил на собеседника испытующий взгляд. – Жить прошлым нельзя ... но и бежать от него не следует. Твой брат потерял слишком много и слишком быстро. Двадцать лет ненависть была воздухом, которым он дышал. Думаешь, такое проходит бесследно?

- Ты, часом, не считаешь меня глупцом, а? Я прекрасно понимаю, что с ним происходит...

- Понимаешь? Сомневаюсь... для этого вы слишком похожи. Ты – кривое зеркало, Энекин. Ты смотришь на него, – но видишь себя. И это зрелище тебе не по душе...

«Кривое зеркало... этот человек, сам того не зная, повторяет слова Дарта. Тогда, в его покаях...»

- Почему ты не хочешь сделать этого сам? Ведь это – твое место. Рядом с женой и...

- Перестань! – гнев в его голосе. Впервые с момента их знакомства... - Прошлого не воротись. Наши... пути разошлись очень давно. Я принадлежу Империи. Таков был мой выбор, и я не сожалел о нем долгие годы. Решение, принятое сегодня... наверное, я уже давно планировал что-то подобное. Ты – как зеркало, Энекин. И, глядя на тебя, я вижу все то, что потерял – и то, чего у меня никогда не было. Ты – не я, но я не поверю, что ты рискуешь по другим Путям от излишнего довольства жизнью. Наверное, трагедия Скайуокеров в том, что, стремясь в одной цели, мы слишком многое оставляем на обочине. Ты говорил – наше предназначение – изменять миры. А умеем ли мы в них жить?»

- Наверное, ты прав, Стивен. Даже – скорее всего, прав. Я смотрел в такие зеркала много раз, – и увиденное не нравилось мне никогда. Да не изображай ты удивление! Глаза у тебя на месте, да и голова не только для фуражки – сообразил, небось, что это значит – два Энекина в одной Галактике...

Хранитель осекся, сообразив, что впервые назвал двойника Энекином. Ни Дартом, ни Вейдером, ни Темным Лордом – Энекином.

«Мы одинаковы – и, все же, отличаемся. Или – это всего лишь мое воображение? Признайся: ты всегда этого боялся. Боялся стать, как они, найти Тьму в собственной душе. И цеплялся за свой Свет холодеющими руками...»

Хранитель невольно поджал губы: скверно, очень скверно. Такие мысли до добра не доводят. Но что же делать? Он, пришедший сюда, как спаситель, всезнающий и всеумеющий, оказывается, проигрывает двойнику по многим параметрам. Вейдер, определенно, более... приспособленный к этой жизни. Возможно, потому, что она его чаще била...

Повстанец истолковал его жест по-своему:

- Не стану притворяться: в сказку о чудесно найденном брате я не поверил ни на йоту. Да и не слишком-то вы старались для ее жизнеспособности... а вот, кто вы такие – это, конечно, вопрос. На клонов не похожи: слишком уж вы оба цельные личности. Такой не получится при ускоренном росте. А тут еще твои странные выходки... - Фарр развел руками.

Энекин предпочел не уточнять, какие «выходки» имел в виду собеседник. Он – чужой в этой реальности, в этом царстве металла и механизмов. Естественно, ляпов было предостаточно.

- Я – это он. Только не отсюда... это сложно объяснить.

К его удивлению, Стивен не стал допытываться. Хранитель неожиданно осознал, что этот насмешливый человек куда проницательнее, чем он думал. *«Интересно, что он еще понял?»*

- Ты – это он... - повторил Фарр, будто смакуя фразу, на вкус и резко кивнул. – Тебя это беспокоит?

- Нет, - ответил Скайуокер... и сразу понял – слишком поспешно. Брови собеседника взлетели вверх. – Да, - странно, но признание принесло облегчение, - беспокоит.

- А меня – нисколько, - взгляды синих и серых глаз встретились. – Люди меняются, Эни. Кто-то – к лучшему, кто-то наоборот. И каждый заслуживает своего шанса. Пусть не повторного – в этом мире большинство имеет право лишь на одну ошибку, но – хоть одного! И, думается мне, именно по этой причине ты здесь.

- Значит, вы готовы предоставить мне шанс... - задумчиво протянул Скайуокер. Собеседник кивнул:

- Не знаю, как жилось там, откуда пришел, но здесь тебе придется ВЫЖИВАТЬ. И, знаешь, подобная стезя является хорошим лекарством от розовых иллюзий, - он сложил пальцы домиком. - Стивен Фарр посмотрел бы на Стеррена Фэрроу, как на незнакомца. А вы с Вейдером... вы ведь – даже не один человек.

- Генетически – один.

- Демагогия. Человек – это ведь не только ДНК. Мы – это наша память, наши чувства... наши привязанности в конце концов. А в этом вы – разные.

- Спасибо, - задумчиво сказал Хранитель.

- Знаешь, мне показалось, что тебе нужен этот разговор. Иначе я никогда не стал бы лезть, куда не просят, - сказал Фарр, неожиданно, открывшись с другой стороны. А ведь казался столь простым и понятным...

- Вероятно, так оно и есть. Просто я сам этого не сознавал, - Энекин улыбнулся, – И что, Сила прибудет с нами?

- Всегда!

Они еще долго сидели в тишине, а время продолжало свой бег.

- Нет! Я не стану выдавать себя за собственного сына!

Хранитель даже вскочил с места, пораженный столь чудовищной идеей. В противоположность ему, лицо Сионы осталось спокойным.

- Он – не ваш сын, - резонно возразила Падме. – И вы знаете это лучше меня.

Энекин покраснел. Эта женщина была женою его двойника, его возлюбленной, матерью его ребенка. И вот теперь появляется кто-то, как две капли воды похожий на Скайюокера – ЕЕ Скайюокера – и предъявляет претензии.

- Простите, Сиона... то есть, Падме. Конечно, он – не мой сын. Но это выглядит... некрасиво.

- Некрасиво? Полноте, Хранитель! Конечно, ложь – зло, и ее последствия непредсказуемы... но правда создаст больше проблем чем разрешит. Неожиданно, в ее голосе зазвучали гневные нотки: - Думаете, мне легко предлагать вам такое? Все это события, - Падме глубоко вздохнула, пытаясь совладать с эмоциями, и продолжила гораздо спокойнее:

- Я потеряла своего мужа... и отдала детей чужим людям.

- Детей?

- Да. Сына и дочь. Удивительно, что вы не знаете...

- Я ведь не всеведущ, - мягко сказал Хранитель. Женщина, казалось, не услышала его реплики.

- Возможно, я буду навечно проклята за то, что сделала. Я сама проклиная себя долгие годы.

Энекин, хотя и с опозданием, сообразил, что внешнее сходство сыграло с ними дурную шутку.

- Вы ведь не мне хотели это сказать, правда?

Она вздрогнула, затем криво улыбнулась.

- Ты прав... могу я называть тебя на «ты»? Мы же теперь родственники... в некотором смысле.

Энекин кивнул.

- Прости меня за вспышку. Нам с... с ним давно следовало поговорить... но, видимо, не судьба. Сначала мешала глупость, потом – гордость, а теперь – страх, наверное. Слишком много времени прошло. Что до моих аргументов... видишь ли, когда мы встречаем кого-то, столь похожего на старых знакомых, то поневоле начинаем вести себя с ними так же, как с теми, другими. А Энекин Скайюокер был мне больше, чем другом. Я... ну, в общем, решила, что на тебя подействует та же стратегия убеждения.

- Сомневаюсь, что ВЕЙДЕРА можно было бы в чем-то убедить таким образом.

Падме снова вздрогнула, и Хранитель ощутил укол вины за то, что столь грубо расставил вещи по местам. Едва ли она видела в роли мужа именно того, кем он стал – Темного Лорда, грозу Галактики. Тем не менее, Падме кивнула:

- Он изменился. Временами, я задаюсь вопросом: «А знала ли я его на самом деле?»

- Звучит зловеще, - Энекин решил, что настал удачный момент для проверки собственных теорий. - Логичным продолжением этой мысли является: «А тот ли этот пришелец, кем кажется?» У тебя ведь нет оснований мне доверять. Я появился ниоткуда, мои цели – неясны... и я похож на человека, причинившего тебе боль.

- Думаю, мы причинили боль друг другу, - задумчиво сказала леди Скайюокер. – И это еще одна причина моей откровенности. Ты – не влюблен и можешь быть объективным... я ведь даже не нравлюсь тебе, верно?

Сказать «да» казалось откровенным хамством, но Сиона Рицци уже не была наивной королевой с Набу. И неловкую паузу истолковала правильно.

- Как я и думала. Молодость прошла и... не трудись оправдываться! Я знаю, что, даже будь я первой красавицей Империи, ты не обратил бы на меня внимание. Мы с... - в последний момент Падме сообразила, что «с Энекином» прозвучит двусмысленно, и быстро поправилась, - ... с моим мужем полюбили друг друга не за внешность. Но факт, есть факт: ты похож скорее на брата, чем на отца нашего сына. Люк есть во всех базах данных. Назвавшись его именем, ты избавишь нас от проблем.

Да, объяснить присутствие в Альянсе Энекина Скайюокера было бы сложно...

- Главное – чтобы вы не появлялись вместе.

- А настоящий Люк?

- А ему в случае чего наврешь про дядю... и, ради Силы, постарайся быть поубедительнее! – она бросила на собеседника лукавый взгляд. – Для двойника Лорда Вейдера ты – поразительно бездарный лжец.

План выглядел почти безупречным... и унижительное «почти», похоже, было обусловлено лишь его нерешительностью.

- Падме, ты – прирожденный политик.

В ответ – лишь тень улыбки, чем-то напоминающая Вейдера. О, Сила! Эти люди разучились смеяться!

- Спасибо. Я знаю.

- Энекин... или Люк, если тебе так хочется. Мы договаривались о сотрудничестве, и не сомневайся в моей готовности выполнить обещание. Но, - во имя Силы, - в голосе Дарта послышались раздраженные нотки, - что ты наговорил капитану Соло?!

- То же, что и всем, - Хранитель нахмурился, не совсем понимая причины вейдеровского раздражения. Похоже, он выбрал неправильные слова, - собеседник просто побледнел от гнева.

- Что и всем, говоришь?! Значит, наслушавшись твоих сказочек, любой портовый бродяга сможет подойти ко мне, и, мерзко улыбаясь, обзвать «дорогим тестем»?

«Так вот, где банта зарыта!».

Энекин решительно подавил улыбку, напомнив себе, что ситхи на последнем градусе бешенства – не совсем подходящая аудитория для анекдотов. Отрезвляющая мысль о том, что Дарт, оказывается, ничего не знает, тоже способствовала приступу серьезности. Несмотря на комичную выходку неисправимого Соло, в ситуации было мало веселого.

«Сила, ну почему все стародавние тайны этой семейки обязан разоблачать я? Сидел тихо, никого не трогал...»

Впрочем, последнее утверждение явно не соответствовало истине. Хан Соло, с которым Скайуокер провел последние пару недель, оказался прекрасным человеком... да еще и влюбленным в Лею. Теплая компания вкупе с коррелианским виски и новоприобретенными отцовскими (точнее, родственными) чувствами подвигло Хранителя на излишнюю откровенность. И, хотя он спас Лею от позорных «скелетов в шкафу» - ведь, после некоторых раздумий, контрабандист не усмотрел ничего страшного в общении с братом и детьми Вейдера, теперь Энекин страшно проклинал свой длинный язык.

«Горюй не горюй, а дела сделано. Как бы это сообщить ему... поделикатнее?».

Дарт пристально смотрел на смущенное лицо двойника, и в его взгляде все явственней читалось подозрение.

- Мало того, что ты выдаешь себя за моего сына...

- Не правда! Я лишь пользуюсь его именем!

- ... так еще и сплетничаешь об этом с контрабандистами. Что дальше? Не мнись и выкладывай, как есть. Чувствую, что сюрпризы, уготованные мне «младшим братиком» еще не закончились.

Скайуокер вздохнул.

- Ты бы сел, что ли.

- Спасибо! Постояю.

- Ну, как знаешь, - Хранитель глубоко вздохнул и выпалил: - Хан назвал тебя «тестем» потому, что влюблен в принцессу Лею, а она – твоя дочь.

Реплика возымела поразительный результат: Вейдер побледнел и опустился на стул.

«Я ведь предупреждал!».

- Этого не может быть! У меня не может быть еще одного ребенка такого возраста! Уж в этом-то я уверен...

- Они с Люком – близнецы.

Дарт обхватил голову руками.

- Послушай, в чем проблема? Ну, будет у тебя двое детей... разве плохо? А Соло... познакомившись поближе ты поймешь, что он неплохой парень, и...

- Да к ситху все его моральные качества! Ты что, не понимаешь? Лея, она... она – одна из руководителей Альянса.

- И что? Сиона и Стивен – тоже повстанцы, но это не помешало вашим встречам.

- Встречам... - Вейдер криво улыбнулся. – С Леей мы ведь тоже... встречались. По работе.

Теперь побледнел Энекин. Он, длительно наблюдавший за жизнью двойника, хорошо представлял себе подобную «работу» Темного Лорда. А поведение Вейдера говорило о том что он, к несчастью, не ошибается. Скайуокер плюхнулся на соседний стул, безжалостно сметя груды каких-то бумаг.

- О, Сила... - пробормотал он – и замолк. Ну, что тут скажешь? Прежний Хранитель наверняка прочел бы целую лекцию о моральной деградации собеседника, смысл которой вкратце свелся бы к фразе: «Так тебе, поганцу, и надо»... но чутье целителя и жизненный опыт говорили ему, что он нуждаются в помощи, а не в обличении. Впервые в жизни он не мог с чистой совестью назвать Зло своим именем... это смущало и нервировало. Энекин содрогнулся, представив, что на месте Вейдера он тоже мог бы... смятенный разум показывал лишь два выхода из положения – напиться и повесится, причем первый выглядел предпочтительнее. Закономерный результат дружбы с коррелианцем?

- Здесь есть спиртное?

Вообще-то сменить тему разговора можно было и покорректнее, но Дарт не то разделял логику двойника, не то был просто рад избавиться от неприятной беседы. Как бы то ни было, он спокойно кивнул, засунул руку в одну из коробок и извлек оттуда бутылку без этикетки.

- Офицерские запасы... местного производства.

- Какого-какого производства? – Хранитель решил, что это – отличный повод отвлечься от мрачных мыслей. – Я ошибся дверью и попал на ликеро-водочный завод?

Вейдер не улыбнулся – похоже, новость о дочери оказалась слишком сильным ударом. Эни давно осознал, что Дарт не склонен заикливаться на неприятных переживаниях, но даже он не мог равнодушно принять ТАКОЕ... и это успокаивало. Едва ли даже сам Скайуокер осознавал, каким облегчением для него стал факт наличия бреши в вейдеровской непогрешимости. Как же быстро он начал считать двойника тем, кем он являлся для всей Империи – холодным Лордом, не имеющим чувств... и недостатков! Самое скверное заключалось в том, что Энекин осознал это только сейчас – когда иллюзия лопнула, как воздушный шарик. И лучшее, что Хранитель мог сейчас сделать - это сыграть по предложенным правилам, притвориться, что ничего не изменилось. Хотя бы потому, что примерно представлял реакцию Вейдера на слова о какой-то там жалости...

- Старая флотская традиция. Не удивлюсь, если они добавляют в сырье бланки приказов.

- Оригинальная манера уважать начальство, - Энекин осторожно понюхал жидкость. – Это безопасно?

- Относительно.

- А точнее?

- В этом напитке нет примесей, но ни один прибор не определит его градусность. Выпьешь неразбавленным?

Хранитель подозрительно посмотрел на голубоватую жидкость и решил, что для такого эксперимента он еще недостаточно подпал под коррелианское влияние.

- Спасибо, в другой раз. Затем с любопытством посмотрел на собеседника: - Признаться, ты меня удивил. Знаешь про алкоголь, про тайники ... наверное, и про то, чья это бутылка. Знаешь – и молчишь. Почему? Разве Лорд Вейдер не обязан пресекать подобные выходки?

- У «Лорда Вейдера», - Дарт произнес это имя с непередаваемым ехидством, есть масса других забот. Наш Император, знаешь ли, не отдавал мне приказа потратить всю жизнь на борьбу с бытовым пьянством. Да и зачем? На службу все офицеры приходят кристально-трезвыми, а их личная жизнь меня не касается. Вот если кто пьяным попадетс...

- Увидит тебя – и вмиг протрезвеет, - хихикнул Энекин. Затем его мысли вернулись к экипажу «Сокола»

- Присмотри за этой парочкой, ладно?

- Глаз не спущу, - пообещал Вейдер. Хранитель поискал в его голосе след иронии – и не нашел. Двойник выглядел столь собранным и деловитым, что он невольно ощутил укол тревоги.

- Дарт, что ты задумал?

В ответ – лишь улыбка. Не кривая ухмылка, которую он часто наблюдал на лице Вейдера, а самая настоящая, теплая человеческая улыбка.

- Я не собираюсь мешать тебе делать глупости, Энекин.

- Вместо этого ты решил совершать их сам?

Лорд легкомысленно пожал плечами:

- Почему бы и нет? В моей жизни слишком долго все было чинно и правильно.

Хранитель удивленно покачал головой:

- Вы посмотрите, кто это говорит! Кажется, я плохо на тебя влияю...

- Ты на меня? А, может, наоборот?

Энекин демонстративно возвел глаза к потолку.

Вейдер стоял в тени ангара и смотрел на две фигуры, застывшие на трапе транспортника. С такого расстояния он мог узнать Скайюокера только по светлой шевелюре. В нем и прежде сильно чувствовалось коррелианское влияние, а теперь, накануне отлета, он убедил Соло поменяться одеждой – мол, это на счастье. И теперь выглядел, как настоящий пират. А Хан, нарядившись в черное, напротив, кажется старше и солиднее... возможно, сотрудничать с ним и правда будет не так уж противно? Наконец, Энекин легко взбежал по трапу, оставив коррелианца в одиночестве. Еще один Скайюокер летит покорять Вселенную! Улыбке Дарта слегка не хватало искренности – двойник заставлял его задумываться о вещах, прежде воспринимаемых, как должное... и понимать, что во многом он, в сущности, не преуспел. Возможно, именно в этом крылась причина того, что Энекин так и не смог разбудить в нем теплые чувства? Сейчас он выглядел, двигался ... и наверное, смеялся, как человек, имя которого он сейчас носил. Как Люк Скайюокер. Но он не был Люком, и в этом крылась еще одна проблема. Сам того не ведая, Хранитель всем своим обликом кричал о том, что они родня, что в юном джедае слишком много от Энекина... и это заставляло Дарта испытывать тревогу. Как выяснилось, он не слишком-то любит себя самого... и, тем более, не считает собственную юную ипостась достойным объектом для подражания. Почему Люк так предательски похож на отца? Неужели и он обречен совершить те же ошибки? До недавних пор Вейдера вполне устраивала собственная жизнь... но он не желал сыну подобной доли. Неужели ему нужен был Энекин, чтобы осознать столь простую истину? *«Люк слишком наивен для соблазнов Императора... а Хранитель – чересчур легкомысленен для того, чтобы служить ему защитой. А, значит, выход лишь один – оставить выжидательную позицию и вступить в игру самому. Ты же хочешь именно этого, не правда ли? Не правда ли... Энекин?»*

Корабль Хранителя исчез из виду, а Соло направился к Вейдеру, - как заметил последний, без особой охоты.

- Ну, вот и свершилось. Теперь все мое время принадлежит вам... милорд, - похоже, с отлетом Скайюокера самоуверенность Соло дала течь. Какие бы чувства Хан не испытывал к Лее... и к Энекину, Темный Лорд по-прежнему внушал ему только страх. Хоть какие-то вещи остаются неизменными! Данное утверждение заставило маячившую на границе сознания Дарта мысль оформиться в полноценную идею. Перед глазами вновь встало видение получасовой давности – две фигуры на трапе «Сокола». А что, если... приветливая улыбка, засиявшая на лице Вейдера, заставила сердце Соло рухнуть куда-то в пятки. Какое-то шестое чувство подсказало ему, что произнесенные только что слова вполне могут оказаться не самой удачной шуткой в его жизни. В это время Дарт как раз припомнил «дорогого тестя» и включил язвительность на максимум:

- Вот и отлично. У меня как раз есть для тебя хорошая работа... зятек.

Выражение лица контрабандиста оправдало его самые смелые ожидания. Дабы развить успех, Лорд по-мальчишески подмигнул контрабандисту и добавил:

- Можешь считать это семейным бизнесом.

Над озером догорал закат, и в наступающих сумерках белые колонны казались таинственными призраками. Величественная красота Набу была одной из причин, по которым Мон Мотма, официальная глава Альянса, выбрала ее своей резиденцией. Всегда надо помнить о том, за что борешься. Люди, возглавлявшие Империю, не имели чувства прекрасного, – жадные Моффы напоминали горожан, со смехом ломающих на костер цветущие деревья. Они не думали о будущем. Они не думали о настоящем. Они думали только о себе. Она могла бы смириться с Империей – в конце концов, Старая Республика тоже не была образцовым государством, могла бы смириться с Палпатином – он был гением, а власть в руках гения все же предпочтительнее, чем правление дурака. Мотма готова была стерпеть многое, – ведь политика всегда была искусством компромиссов. Но только не этих хищников! Они не признавали полумер, не шли на уступки – просто тупо сметали с дороги все, что стояло между ними и выгодой. И именно это приводило людей в Альянс. Большинство разумных существ боится перемен, – эту истину бывший сенатор осознала очень давно. А теперь поняла и другую: непонятное будущее все же лучше, чем никакое.

Имперские бюрократы не просто притесняли других, – они лишали их надежды, а существо без надежды способно на все. Это Мон тоже знала. И, против воли, снова начинала думать о «новой надежде» Восстания – джедае Скайуокере. Собственно, эти мысли были второй причиной, приведшей Мотму на Набу. В место, где все началось. Глава Альянса понимала важность Люка, как первого Рыцаря нового образца, но какая-то ее часть отчаянно сопротивлялась идее использовать его, как знамя. Она знала, почему мальчик выжил, знала, кто его отец... но не хотела сводить счеты подобным образом. Весть о том, что Люк – у восставших, способна вызвать у Темного Лорда лишь раздражение. А что будет с юношей? Эта мысль положительно не давала Мон покоя. Как политик, она была обязана разыграть эту карту, но, как женщина, лидер Альянса не могла не испытывать жалость. Вейдер был врагом. Вейдер заслуживал ненависти. Наверное, она с удовольствием убила бы его, если бы смогла. Но Люк – это не его отец. Люк – не Дарт Вейдер... и даже не Энекин Скайуокер. Ну, почему вселенная столь жестока! Мон Мотма в раздражении ударила рукой по подлокотнику кресла. Так больше не может продолжаться! Она должна поговорить с мальчиком, должна облегчить груз, упавший на его плечи – пока Люк не начал совершать глупости. Она просто обязана...

- Госпожа? К вам пришли.

- Кто, Кира? И, пожалуйста, не зови меня госпожой.

- Он в капюшоне, но мне кажется... это господин Скайуокер, мэм.

Мотма резко поднялась на ноги:

- Где он?

- На веранде. Так вы его примете... мэм?

Белое платье главы Альянса уже скрылось за поворотом: женщина почти бежала. Кира с тревогой смотрела ей вслед: она прожила на Набу достаточно долго, чтобы помнить все, что последовало за браком этого человека и их бывшей королевы. И ей почему-то казалось, что Энекин Скайуокер – не тот человек, который приносит хорошие новости.

- Да сохранит вас Сила, госпожа. Да сохранит вас Сила.

Мон завернула за угол – и словно налетела на стену. Человек на веранде не был Люком. Собственно, он вообще не мог являться живым человеком, – во всяком случае, она убедила себя в этом за годы Империи. И, все же, он был здесь. Когда к бывшему сенатору вернулся голос, в ее чувствах устойчиво доминировало праведное возмущение:

- Вы не находите, что это потрясающие нахальство, милорд? Вот так, запросто, явиться на секретную квартиру главы Альянса... в место, полное существ, считающих вашу отрубленную голову лучшим украшением для туалетного столика!

На губах Дарта появилась кривая усмешка:

- Я рассчитывал, что рассуждения о достижении «всеобщего блага» все же вытеснят в душах «благородный республиканцев» пережитки пещерной кровожадности... и для пользы нашего общего здоровья надеюсь, что так оно и есть.

Наверное, ей следовало испугаться. Но для подобных эмоций женщина была слишком зла:

- Всеобщее благо! Помилуйте, Вейдер, в ваших устах это звучит почти оскорблением, - тут женщина все же пригляделась к собеседнику повнимательнее: - Кстати, не сочтите это за попытку сменить тему, но вы выглядите очень странно.

- Я бы употребил слово «необычно».

- Не буду сообщать вам очередную банальность, типа: «Кто ты такой, чтобы указывать мне, что говорить?», ибо, во-первых, я не сомневаюсь в вашей способности настоять на своем, а во-вторых – это и вправду не принципиально.

- Ваши слова, сенатор, все время смахивают на несколько завуалированные оскорбления, но сегодня я склонен расценить это, скорее, как комплемент – хотя и весьма сомнительный.

- С чего вдруг такая доброта?

- Это не доброта, - просто приглашение поговорить со «спрятанными когтями». Надеюсь, вы не считаете меня глупцом, пошедшим на подобный риск ради возможности отпустить пару острот? Полноте, леди! Даже редкие индивиды, признающие наличие в моем арсенале чувства юмора, единодушны в выводах о его скверном качестве.

- В таком случае, простите, чем обязана?

- Я уже сказал, что пришел для разговора. Если еще прямее – для проверки того, являются ли наши разногласия по-настоящему непреодолимыми.

Мон Мотма обнаружила, что даже сенатская закалка иногда дает сбой: несколько секунд она просто простояла с открытым ртом, как некая провинциальная кумушка, а не закаленный в сражениях лидер Альянса. Дарт Вейдер без привычных доспехов, в самом сердце повстанческой организации, и, главное – ПРИШЕДШИЙ ПОГОВОРИТЬ! Нет, это просто не укладывалось в голову! Мон осознавала, что сейчас сделает глупость, но не смогла удержаться:

- И вам не противно сотрудничать с мятежниками?

Слово, как говорится, не птица: лишь произнеся сию сакраментальную фразу, она сообразила, что Лорд Империи говорил о РАЗГОВОРЕ, но ни словом не обмолвился о СОТРУДНИЧЕСТВЕ. А одно совершенно не обязательно предполагает другое... Мотма бросила на врага настороженный взгляд, но Вейдер вновь повел себя противоположно ожиданиям: он улыбнулся, и воспользовавшись тем, что собеседница все еще не оправилась от удивления, перехватил инициативу:

- Вы, политики, очень любите говорить... и придумывать красивые истории. Я, конечно, не столь одаренный оратор, но, в качестве ответа расскажу одну старую притчу.

Тут Лорд кинул на собеседницу еще один странный взгляд, значения которого она (пока?) не поняла, и продолжил:

- Однажды давным-давно жил юный принц, которым верил всему, кроме трех вещей. Он не верил тому, что существуют принцессы, не верил, что существуют острова, и не верил в Бога. Его отец, король, говорил ему, что таких вещей не существует. Поскольку во владениях отца не было никаких принцесс и островов и никаких признаков Бога, юный принц верил своему отцу. Однажды принц убежал из своего дворца. Он пришел в соседние земли. Здесь, к своему удивлению, он с любого берега видел острова и на этих островах странные и волнующие создания, которым он не осмеливался дать имя. В то время как он искал лодку на берегу, к нему подошел мужчина в смокинге, гулявший вдоль берега.

- Это настоящие острова? - спросил юный принц.

- Конечно, это настоящие острова, - ответил человек в смокинге.

- А эти странные и беспокойные создания?

- Все они настоящие и неподдельные принцессы.

- Тогда Бог тоже должен существовать! - воскликнул принц.

- Бог - это я, - ответил человек в смокинге, поклонившись.

Юный принц вернулся домой так быстро, как мог.

- Итак, ты вернется, - сказал его отец, король.

- Я видел острова, я видел принцесс, я видел Бога, - сказал принц с упреком. Король был неподвижен.

- Ни настоящих островов, ни настоящих принцесс, ни настоящего Бога не существует.

- Я их видел!

- Скажи мне, как был одет Бог.

- Бог был в вечернем одеянии.

- А рукава были закатаны?

- Да.

- Это был не Бог, а просто маг.

Юноша снова пошел на тот берег:

- Мой отец король, сказал мне, кто вы, - сказал юный принц возмущенно.

- Вы обманули меня и прошлый раз, но теперь это вам не удастся. Теперь я знаю, что это ненастоящие острова и ненастоящие принцессы, потому что вы маг.

Человек на берегу улыбнулся.

- Это тебя обманули, мой мальчик. В королевстве твоего отца много островов и много принцесс. Но ты очарован своим отцом и не можешь увидеть их.

- Отец, это правда, что ты не король, а маг?

Отец улыбнулся и закатал рукава:

- Да, сын мой, я всего лишь маг.

- Тогда человек на берегу был Бог.

- Человек на берегу был тоже маг.

- Я хочу знать настоящую правду, правду без всякой магии.

- Не существует правды без магии, - сказал король. Печаль охватила принца. Он сказала "Я убью себя". Король магическими заклинаниями вызвал смерть. Она появилась в дверях и

поманила принца. Принц вздрогнул. Он вспомнил прекрасные, но ненастоящие острова и ненастоящих, но прекрасных принцесс.

- Ладно, сказал принц. - Наверное, я смогу это пережить.

Мон, зачарованная повествованием (в противовес собственным словам, Лорд оказался не так уж скверным рассказчиком), медленно кивнула.

«Я смогу это пережить... пожалуй, лучшего ответа на мой вопрос просто не существует».

Она не желала в этом признаваться, но, в глубине души знала, что эта истина относится и к ее персоне.

« Я не согласна платить кровью гордыню. Ни своей, ни, тем более, чужой. Это – неравноценный обмен, и двух мнений тут быть просто не может. И, если для достижения цели необходим диалог – или даже близкое сотрудничество – с Темным Лордом, я смогу это пережить. И, что-то мне подсказывает, - не только это!»

- Спасибо за поучительную историю, Лорд Вейдер. Так что вы хотели со мной обсудить?

На древний город Тид медленно опускалась ночь – черное покрывало, скрывающее под своей сенью тысячи тайн. Что ж, сегодня ему предстояло спрятать от посторонних глаз еще один секрет. Тысяча первый.

Энекин Скайуокер задумчиво постукивал пальцами по приборной панели. Все же наследственность – великая вещь! Зная, что его двойник являлся признанным асом, Хранитель быстро научился водить звездолет... и даже начал делать это столь хорошо, что язвительный коррелианец даже не слишком возмущался, отдавая «дядюшке Люку» своего «Сокола». Чубакка мирно спал в соседнем кресле, – пребывание в гиперпространстве не требовало особого внимания пилотов. В реальном космосе вуки добросовестно работал «нянькой», страхуя новоиспеченного пилота от вражеских кораблей, астероидов и прочих мелких неприятностей, подстерегающих начинающего контрабандиста. Энекин поймал себя на том, что думает об экипаже «Сокола» с настоящей любовью:

«Надеюсь, Дарт все же оценит Хана Соло по достоинству».

Меньше всего Скайуокеру хотелось увидеть вендетту в этом странном семействе. Семействе, которое он – против всяких правил – уже начал считать своим. Эму нравились эти люди. Более того, ему начинал нравиться этот механистический до мозга костей мир. Да, некоторые вещи по-прежнему лежали за пределами его понимания, но ищущий всегда найдет способ для совершенствования... Энекин стукнул кулаком по подлокотнику кресла. Он не имеет права так думать! Этот Путь – не его. Более того, время пребывания Хранителя в данной Вселенной - без фатальных последствий для ее истории - является конечной величиной. Причем Скайуокер крепко подозревал, что измеряется она отнюдь не годами...

«Мне придется ускорить финальную фазу. Несомненно, Дарту не слишком понравится подобная самодеятельность, и, особенно, способ, который я намерен использовать, но... если все сделать быстро, у него просто не останется выбора».

Энекин невесело усмехнулся и попытался выкинуть из головы мысли о предстоящем объяснении. Избранная им стратегия требовала немедленных действий. А первым ее пунктом, как ни жаль, являлось ускользание из-под дружелюбного - но в данный момент совершенно неуместного – надзора второго пилота. Хранитель вздохнул – и мягко коснулся пушистого плеча Чубакки.

- Мы скоро выходим из гиперпространства, мой друг. Я хочу, чтобы ты приземлился там, где мы условились, и ожидал моего возвращения.

В ответ хлынул ожидаемый поток возражений. Скайуокер слегка поморщился:

- Я не хочу привлекать внимание к «Соколу»... а ты, извини, слишком заметен в любой толпе. Особенно там, куда мы направляемся.

Снова ворчание, но на этот раз – с оттенком неуверенности. Железная логика способна повлиять даже на упрямого вуки. Энекин мысленно поздравил себя в том, что эта раса никогда не славилась владением Силой. Иначе его «выход в народ», несомненно, завершился бы, не начавшись.

- Пожалуйста, не волнуйся. Я же форсюзер. Подумай, ну какие могут быть «неожиданные неприятности»?

«Нет-нет, Чубакка. Неожиданных неприятностей не будет. Только те, которые некто с инициалами Э.С. добровольно навлечет на свою глупую голову».

Десантный челнок легко скользнул в открытые створки шлюза и Люк Скайуокер в очередной раз пожалел, что не может снять шлем. Броня штурмовика, охотно одолженная владельцем юному Джедаю – после применения Силы, конечно – имела лишь один существенный недостаток – не позволяла стереть заливающий глаза холодный пот. За время, прошедшее с Беспина, у него была масса возможностей обдумать случившееся, и результат этих мыслей привел его сюда – на посадочную площадку корабля, с леденящим кровь именем «Экзекутор». Корабля его отца, в котором Люк, как выяснилось, все же нуждается. Признаться, для самого юноши это оказалось изрядным сюрпризом, – он мотался по Галактике, как одержимый, вызываясь добровольцем на самые сомнительные операции Альянса, и все это – в попытке убежать от правды, значения которой даже не сознавал. До ТОЙ медитации. Он не знал, объяснить ли это волей Силы – или причудливыми играми подсознания, но в реальный мир Люк вернулся с ясным убеждением: он не готов отказаться от этого родства. Да, Вейдер считался мерзавцем, жестоким чудовищем... и их недолгое знакомство не дало Джедаю повода в этом усомниться. Но он был его отцом! Скайуокер не считал себя лучшим человеком во Вселенной, но не мог поверить в то, что человек, давший ему жизнь, мог быть столь безнадежен. Люк не чувствовал в себе тяги ко злу – и именно поэтому оказался здесь. Чтобы поговорить. Чтобы объясниться. Чтобы узнать правду о своем отце. Правду, какой бы она не была. словно тень, Люк Скайуокер скользил по коридорам имперского флагамена, приближаясь все ближе к святой святых, к месту, которого имперские военные избегали, как чумы. К апартаментам Темного Лорда ситхов. Юный джедай знал, что отец гораздо опытнее, чем он, и не сомневался, что Вейдер давно знает о его присутствии на корабле. Именно поэтому, он больше не пытался сойти за имперца и избавился от доспехов. Надо сказать, что отсутствие сирен и команд штурмовиков, бегающих по коридорам в поисках диверсанта, вселило в него некоторую уверенность. Может, ситх тоже настроен поговорить? Железные створки охотно распахнулись, и исполненный радужных надежд Люк шагнул в темноту... лишь затем, чтобы ощутить приставленное к его спине холодное дуло бластера.

Весть о пленении Люка Скайуокера разнеслась по Империи подобно молнии... и оказалась тем маленьким камешком, что приводит в движение лавину. Ведь именно она заставила нескольких людей бросить собственные дела и устремиться на блистательный и порочный Корусент, в самое сердце галактических интриг. В место, где сегодня – в который раз – решалась судьба всей далекой галактики.

Шпили Императорского дворца властно впивались в столичные небеса. Это здание было построено именно для того, чтобы доминировать, повергать обывателей в немое восхищение перед величием Владыки... однако, как это часто бывает, поступь Истории рождала эхо не под высокими сводами великолепных покоев, а в совершенно обычном техническом коридору № 11563, где имперский патруль совершенно неожиданно для себя столкнулся с группой серьезных людей в камуфляже.

- Ни с места! – Лея, Падме и Стивен вынуждены были бросить оружие. Они поставили на карту все – и проиграли. Штурмовики расступились, пропуская вперед лоснящегося от самодовольства офицера.

- Так... что у нас тут? – грубые пальцы бесцеремонно схватили принцессу за подбородок. Лея с трудом подавила желание впиться в эту пухлую руку зубами, – это привело бы к еще большим унижениям.

- Сама принцесса Органа. Ваше королевское высочество почтило своим королевским присутствием сие скромное жилище! – подобная издевка заставила леины щеки вспыхнуть густым румянцем.

- Убери от нее свои грязные руки, мерзкая жаба! – имперец слегка нахмурился – и Фарр получил резкий удар прикладом в живот. Особого вреда повстанцу не причинили, но стало очевидно, – в ближайшие десять минут ему будет не до пререканий.

- Сомневаюсь, что вашему начальству понравятся подобные вольности, - голос Падме был пропитан издевкой. Удар достиг цели: офицер вздрогнул. Уж он-то прекрасно понял, о каком начальстве идет речь.

- Думаю, вы переоцениваете свое значение. Можно подумать, что у Лорда Вейдера нет других дел, кроме как следить за соблюдением гражданских прав повстанцев. Приказы Императора, например... да и потом, как он узнает, что вы здесь?

- Ну, предположим, ему кто-нибудь расскажет.

Вся группа удивленно обернулась на звук нового голоса. Штурмовиков несколько задело, что они прокараулили появление незнакомца, поэтому в его грудь разом уперлось пять оружейных дул. Визитера это, правда, не смутило: он лишь слегка распахнул полы плаща, показывая, что безоружен.

- Та-ак, - не назвавшийся имперец отпустил Лею и направился к новой жертве, - похоже, здесь больше крыс, чем я думал.

- Полностью согласен, - несмотря на очевидную безвыходность ситуации, незнакомец не казался испуганным. Принцессе даже показалось, что он неправильно оценивает опасность. Добровольно сдаться вооруженным до зубов врагам – и позволять себе подобные речи? Нет, или она что-то не понимает в этой жизни, или пришелец – законченный идиот. А, может, просто сумасшедший? Похоже, их пленителя посетили схожие мысли:

- Послушай, ребел, я тут чего-то не пойму.

Пленник вопросительно поднял бровь. Это действие нельзя было назвать вызывающим или издевательским, – однако напряжение возросло на порядок. Теперь к новому действующему лицу были прикованы все взгляды.

- Ты в моих руках и я запросто могу тебя пристрелить... а могу пытаться до тех пор, пока эта мерзкая ухмылка не исчезнет с твоего лица вместе с кожей. Ты все это знаешь – и ведешь себя так, как ведешь. То есть нагло. У тебя что, звездный разрушитель в кармане?

Солдаты услужливо рассмеялись. Даже по губам пленника скользнула мимолетная улыбка.

- Нет. Но в ваше логическое построение вкрался ряд ошибок.

- Это каких же?

- Ну, во-первых, вы, конечно, можете меня убить. Вот только зачем? Каждое действие должно преследовать какую-то цель, а подобная жестокость выглядит не только нежелательной, но и бессмысленной.

Офицер начал медленно наливать глубоким багровым цветом, а визитер невозмутимо продолжил:

- Во-вторых, пытки. Сомневаюсь, что вы, при всей своей изобретательности, сможете показать мне что-то новое.

Стивен внезапно бросился вперед, но был остановлен выстрелом из бластера. Штурмовик не сразил повстанца наповал: стальные пальцы незнакомца сжали ствол оружия, сбив прицел.

- Убейте его! – последовавшую сцену следовало смотреть на видео в сильно замедленном варианте, потому как уследить за размытыми движениями облаченной в темное фигуры в реальном времени было просто невозможно. Зрители увидели лишь результат: пять неподвижных тел на полу и бывшего пленника, шагнувшего к своему несостоявшемуся палачу с винтовкой в руках.

- И последнее, - голос незнакомца звучал столь же холодно и вежливо, как и минуту назад. – Вы напрасно обозвали меня республиканцем. Сгусток плазмы отшвырнул имперского офицера к противоположной стене. Правда, то, что долетело, уже отдаленно напоминало человека. Помещение наполнил тошнотворный запах горелого мяса. Сдерживая тошноту, принцесса подумала, что предпочла бы не знать, во что выстрел из крупнокалиберной винтовки в режиме дезинтеграции может превратить живое существо. Особенно, если стоять к жертве так близко...

Человеческое сознание устроено очень странно: в то время, как одна часть Леи Органа с трудом заставила себя не отпрянуть прочь в брезгливом отвращении, другая хладнокровно порадовалась, что технические коридоры не оснащены соответствующими детекторами. Подобный выстрел десятком уровней выше поставил бы под ружье половину Корусента.

«Сила, в кого я превращаюсь? Могла ли та испуганная девочка со Звезды Смерти мыслить с подобным цинизмом?»

Между тем неожиданный спаситель брезгливо отбросил оружие и повернулся к уцелевшим имперцам. По крайней мере двое из солдат были еще живы. Один пытался вытащить пистолет левой рукой, прижимая к груди покалеченную правую, а другой, совсем мальчишка, безуспешно пытался остановить хлещущую из носа кровь. Под тяжелым взглядом незнакомца оба застыли,

предусмотрительно убрав руки от оружия. Неожиданно тишину нарушили редкие хлопки аплодисментов. Одежда Стивена пропиталась кровью, но умирать он, кажется, не собирался.

- Bravo! Шесть вооруженных людей... как это легко для такого, как ты. Ну, почему же ты остановился? Неожиданно вспомнил значение слова «милосердие»?

Первоначально, Фарр планировал сказать: *«Неужели Лорд Вейдер вспомнил значение слова «милосердие?»*, но запоздало сообразил, что Лею никто не посвятил в тонкости семейных взаимоотношений.

«Вот, ситх! Ну мы и влипли!»

Ответом на слова и мысли явился хмурый взгляд исподлобья:

- Нечего сказать: удачное время для софистики. Прямо пикник, а не боевая операция... а, кстати, что вы вообще здесь делаете?

- Нет времени! – властно перебила Лея. Дарт посмотрел на принцессу, но от комментариев воздержался.

Уцелевшие имперцы покорно согласились проследовать в служебное помещение. Чувствовалось, что впечатлений им хватит надолго.

– Нам нужно идти!

Фарр честно попробовал встать, но раненая нога подкосилась. Лицо Стивена побелело, как мел.

- Кажется, я выбыл, девочка. Идите без меня.

- Мы не можем его оставить! – возразила Падме. Здесь полно имперцев... к тому же ему нужна помощь.

- Люку она тоже нужна! – вскричала Лея. Ее мать поморщилась. – Ладно, - это прозвучало уже спокойнее. Возможно, молодое поколение не столь уж безнадежно, как думают старшие? – Сиона, вы оставайтесь со Стивеном, а мы – освободим Скайуокера. Принцесса схватила их спасителя за локоть и решительно двинулась к выходу. Его обескураженный вид вызвал усмешки на лицах Падме и Стеррена. Ну, просто маленький танк, а не женщина!

- Интересно... в кого она такая? – задумчиво поинтересовался у пустоты Фэрроу, его глаза лукаво поблескивали. Леди изобразила шутливое раздражение:

- Следите за речью, мистер Фарр, и не заставляйте меня утяжелять ваши травмы синяком под глазом.

Повстанцы громко рассмеялись, но внезапно замолчали, услышав громкое эхо.

«Я готова была поклясться, что это не наш смех», - подумала Сиона, настороженно оглядываясь по сторонам. Она ожидала неприятностей, но чуть не подпрыгнула, услышав за спиной смутно знакомый голос:

- Стивен? Леди Сиона? Что вы тут делаете?

Коридоры дворца казались бесконечными. Теперь, когда мужчины знали, сколь близка их цель, ожидание казалось невыносимым.

- Хан?

- Да, Малыш?

- Знаешь, я тут подумал о том, что мы сейчас идем к Императору... и вполне возможно, оттуда не выйдем. Вся жизнь будто прошла перед глазами, и я внезапно понял, какой вопрос будет вечно мучить меня за гробом.

- И какой же?

- Почему ты просто не заблокировал ту дверь, вместо того, чтобы целится в меня из бластера?

- Хм, - чувствовалось, что Соло смущен. – Ну, если только ради загробного спокойствия... эти ситховы имперцы так меня загоняли, что я просто рухнул в кресло и отключился. Какая там блокировка! Я даже имя собственное не помнил от усталости. Если хочешь знать мое мнение, твоему папаше следовало дать доплату за вредность, - при таких-то нагрузках. А когда я проснулся от шипения двери, то действовал инстинктивно. Знаешь, у них ведь там без предупреждения не приходят... ну, разве что с дурными целями, - Хан ненадолго задумался. – По правде сказать, в мою каюту с иными целями вообще редко вламывались. В общем, малыш, тебе повезло, что у меня голова быстро соображает. И о чем ты думал, открывая чужую дверь посреди ночи?

- Ты конечно извини, но я ведь не к тебе направлялся. Думал, Вейдер почувствует...

- Один пернатый друг тоже думал, Люк. А потом, как известно, работал закуской. Согласен, ваша Сила – отличная вещь, но голову тоже надо с собой прихватывать.

- Ладно, сам-то хорош! А, если бы это был какой-нибудь невезучий адъютант с докладом... неужели ты бы его пристрелил?

Соло выглядел смущенным:

- Не знаю... и благодарю свою удачу, что этого не произошло! Знаешь, на самом деле я жутко боялся разоблачения. Даже из каюты старался пореже выходить. А тут – такое! Ну кого, скажи, напугает сонный мужик в клетчатой пижаме?

- Признаться, я не глядел на все под таким ракурсом. Однако, должен признать: ты выглядел очень решительно. Адъютант бы, наверное, ничего, кроме бластера не разглядел. Прямо, как я!

- Ты плохо знаешь людей, Малыш! Через полчаса он бы уже всю трепался с сослуживцами о цвете моих носков.

- Ты же был босиком!

- Вот видишь! А говорил - не разглядел!

Скайуокер густо покраснел:

- Меня совершенно не интересовала твоя одежда! Просто... я очень удивился.

- Представляю, - Хан сдавленно хихикнул, и Люк просто не смог удержаться от следующего вопроса:

- Скажи, и как такой рациональный и здравомыслящий парень, как ты, умудрился в такое вляпаться?

- Так же, как вляпался в сомнительные делишки с Альянсом – поглядев в честные голубые глаза одного из Скайуокеров.

- А что, в глазах членов нашей семьи есть что-то особенное?

- Да. От одного подобного взгляда напрочь пропадает желание спорить, - перед тем, как продолжить, коррелианец немного помолчал. – Знаешь, раньше я жутко злился на Ландо... не взирая на его раскаяние и все прочее. А теперь... теперь я готов лично плюнуть в лицо любому, кто скажет, что Дарт Вейдер не умеет убеждать.

- Он тебе угрожал?!

- Нет! Что ты там вбил себе в голову? Меня даже собственный отец не мог заставить подобным способом! Просто... он задел какую-то струну в моей душе. Наверное, это называется авантюризмом, не знаю. Короче, я понял, что соглашусь. Наверное, я всегда хотел попробовать что-то подобное.

- Хотел пожить в каюте Темного Лорда?

- Ну, так далеко я даже в пьяных фантазиях не заходил! Мне жутко хотелось посмеяться над этими напыщенными бюрократами, обмануть их – и оставить биться в бесплодном гневе. Я ведь всегда был шутником, Люк. Наверное, эта одна из причин гигантского количества моих врагов.

Джедай кивнул:

- Джабба...

- И не только. К сожалению, чувство юмора не входит в список душевных качеств, необходимых акуле бизнеса. В лучшем случае, они веселятся, глядя на мучительную смерть конкурента, - Люк немедленно припомнил сарлака и прочих хаттских любимцев, - и никогда не простят того, кто-то осмелился ПОСМЕЯТЬСЯ над ними.

- Ну, что ж, Хан. Боюсь, теперь нам придется доиграть комедию до конца – с Императором в роли Главного критика.

- Да... боюсь он сочтет это полной бездарностью, и закидает горе-актеров тухлыми яйцами... и хорошо, если не чем-то похуже. Внезапно, Хан громко рассмеялся – еще то зрелище, учитывая его внешность, – и хлопнул Скайуокера по плечу. – А, ладно! Где наша не пропадала!

Смех двух приятелей еще долго звучал в паутине пустых коридоров. И еще не успел затихнуть, когда, завернув за угол, они с удивлением увидели две сидящие на полу фигуры. Наверное, в этот момент Люку было необходимо вспомнить мудреное слово «конспирация», но язык – в который раз! – оказался быстрее разума.

Падме захотелось протереть глаза: в коридоре стоял Люк Скайуокер, облаченный в броню штурмовика, а рядом с ним... рядом стояла знакомая всей галактике фигура в темных доспехах. Вейдер? Они что – освоили игры со временем?

- Где Лея?

На лице ее сына совершенно ясно читалось недоумение.

- Откуда мне знать? Я ее с самого Беспина не видел.

- Но... она же только что вышла с... - взгляд Падме невольно обратился к Темному Лорду.

Люк громко рассмеялся и хлопнул спутника по плечу:

- Вот видишь, я же говорил, что он здесь!

- Кто? – непонимающе спросил Стеррен.

- Ну, Вейдер, конечно, - охотно разъяснила фигура в черном. Когда на «Экзекутор» пришло сообщение: «Арестован Люк Скайуокер», мы сразу поняли, что Энекин попал в беду. Вот и прилетели.

Вот это называется – объяснил. Если до этих слов, произнесенных знаменитым вейдеровским басом, повстанцы хоть в общих чертах представляли себе происходящее, то теперь понимание было утрачено напрочь.

- Дело проясняется прямо на глазах, - насмешливо протянул Фэрроу. Люк Скайуокер выяснил, что находится в имперском плену, и решил явиться на прием к Палпатину, дабы исправить фактическую ошибку? И все это – в компании Вейдеров, количество которых увеличивается день ото дня?

- Я не понял пассажи насчет «Вейдеров»... - сердито заявил Люк, - но мы приехали, чтобы спасти моего дядю.

- Дядю? - Сиона ахнула. Ну, конечно! Она же сама уговорила Энекина взять имя Скайуокера-младшего. Так вот, кого привезли к Императору!

«Падме, похоже ты перехитрила саму себя».

- Простите... я ему все рассказал, - снова вмешался человек в доспехах. – И про то, что вы – его мать – тоже.

Он выглядел смущенным.

- Управлять флотом – такая скука, а Люк, оказывается, очень талантливо заполняет бумажки... и любит каверзные вопросы. Ну, не могу я врать, когда он ТАК на меня смотрит!

«Так... Энекин – в плену, Дарт – ушел с Леей... а это тогда – кто?»

- Простите, милорд... - Стеррен решил подстраховаться с титулом, но ему не дали продолжить:

- Фарр, ты что – ослеп? Какой я тебя, к ситхам, Лорд?

Младший Скайуокер попытался подавить улыбку... впрочем, без особого успеха. Нрав его друга когда-нибудь войдет в поговорки.

- Ты просто позабыл про шлем... Повелитель Соло.

Первым чувством, вернувшись к Энекину был слух, а первым услышанным звуком – мягкое потрескивание силового поля. Хранитель поморщился: как обычно, план удался лишь наполовину. В целом расчет был верен и на встречу с Императором он, определенно попадет... единственным неучтенным фактором оказалась пламенная «любовь» штурмовиков к Люку Скайуокеру. Попытка встать вызвала волну головокружения, Энекин прислонился к переборке и с горечью подумал, что, судя по теплоте приема, в родственниках у этих солдат числилась половина Звезды Смерти. Очередной просчет! Почему-то он полагал, что форсюзер априори должен вызывать робость у обывателей, но последнее связанное воспоминание в виде летящего к физиономии бронированного кулака шутя опровергало данный постулат. Серьезного вреда ему не причинили, но в этой ситуации было что-то... унижительное. Острый слух Хранителя уже уловил топот множества ног, - судя по звукам, к его временному пристанищу приближался целый отряд. Боль в рассеченной губе превратила нарождавшуюся улыбку в гротескную гримасу.

«Что ж, ты, кажется, хотел уважения. Думаю, господа солдаты сейчас исполнят твои пожелания, Энекин. В полном соответствии со своим мировоззрением».

В данном конкретном случае «уважение», похоже, определялось числом бластерных стволов, упертых в его спину. Скайуокер немного поиграл с мыслью проучить зазнаек, - только кретин может считать, что успех в деле закручивания форсюзера в тоунтоний рог зиждется на численном перевесе! – но затем отбросил эту идею, как неконструктивную. Пока, не считая мелких бытовых неудобств, все идет, как запланировано. Дверь, наконец, отворилась – хвала Силе, без традиционно приписываемого различным казематам скрипа, - и «Люк Скайуокер» оказался лицом к лицу со своими тюремщиками. Вошедший офицер начал с того, что с нескрываемым

удовлетворением осмотрел «жертву» с ног до головы. Энекин весьма логично предположил, что ссадины на его физиономии доставили этому храброму солдату истинное наслаждение.

- Тебе повезло, ребел: у нас приказ эскортировать тебя к Императору, не отвлекаясь, цитирую «даже на вооруженное восстание кухонной челяди». Сие означает, что мне и моим сослуживцам придется лишиться себя удовольствия превратить тебя в наглядное пособие для семинара «скольких жизней стоит одна светлая идея, и что потом случается с горе-философами».

Хранитель мысленно улыбнулся, подумав, что слова вояки отдавали занятой двусмысленностью: в частности, на роль горе-философов больше подходили именно пресловутые «сослуживцы», а не рыцарь-джедай, которому – верх глупости! – даже не связали руки. Офицер, между тем, продолжил:

- Впрочем, столь пристальное внимание начальства дает надежду на то, что ты еще пожалеешь о нашем обществе.

«Это уж вряд ли», - подумал Энекин, коснувшись губы. Рана казалась пустяковой и, по сути, являлась ничтожной платой за реализацию тайных замыслов, но он не привык пропускать удары. Какой бы прочной не была подведенная под такое поведение логическая база. Вот и сейчас он не удержался:

- Думаю, вы слишком много на себя берете... сержант, - Скайуокер выбрал самый оскорбительно-холодный тон из вейдеровского лексикона и специально понизил собеседника в звании. – Уверен, что Его Величество – кстати, такой же форсюзер, как и я – весьма заинтересуется вашим служебным соответствием.

Посеревшее лицо собеседника вызвало в его душе странное удовлетворение. Никогда раньше Хранитель Эгриса не упивался собственным могуществом: оно просто существовало. Шла война, и он, Энекин, делал все необходимое, отдавая себя без остатка. Как и все, кто его окружал.

«Неужели окружение способно вызвать в нас такие перемены? Мой стиль поведения начал меняться – это видно невооруженным взглядом. Но... ведь я не этого добивался!».

«Старина, а что ты хотел? – вмешался насмешливый внутренний голос. – «Исправить» двойника, оставаясь чистым и наивным, как в день рождения? Фигушки!!! Самомнение – вот главный крест, назначенный человеку. И с этой точки зрения ты, мой друг, - явно не идеален».

«И что с того?», - запальчиво возразил Эни самому себе. *«По крайней мере, я это признаю, а значит, контролирую изменения».*

Впрочем, подобное утверждение тоже казалось весьма спорным, особенно сейчас, когда человек по имени Энекин Скайуокер приближался все ближе к универсальному катализатору, стимулировавшему перемены в самосознании всех его двойников. К Императору Палпатину.

Лея спешила изо всех сил, но ей все равно приходилось практически бежать, чтобы поспеть за своим спутником. Если в начале пути она самоуверенно шествовала впереди, то теперь попала в безнадежно отстающие. И дело было не только в том, что таинственный незнакомец прекрасно ориентировался во дворце и, к тому же, каким-то звериным чутьем определял приближение патрулей. Просто в какой-то момент он решительно плюнул на галантность, а это могло означать только одно: ситуация изменилась. Если бы у принцессы хватило дыхания, она непременно забросала бы попутчика вопросами, однако его мрачное лицо итак говорило само за себя.

«Лея, похоже на сей раз ты вляпалась во что-то действительно скверное».

Теперь, задним числом, она поражалась собственному легкомыслию: уйти от спутников, которые, не взирая на некоторые странности, все же являлись проверенными членами Альянса с незнакомцем, о котором она не знает ровным счетом ничего. Даже имени. Подобное доверие было совершенно необъяснимо. Но и этого мало! Теперь эта странная личность сломя голову несется по коридорам, оправданно считающимся самыми охраняемыми в Галактике, причем, если Лея еще не утратила ориентацию – прямехонько к Главному Залу! Составляя план операции по вызволению Люка, принцесса рассчитывала проникнуть в служебные помещения дворца – но никак не собиралась стоять у подножия трона. Почему же она не отстаёт? Почему не требует объяснений? Девушка поражалась сама себе. Поражалась – но упорно продолжала путь. Ибо какое-то шестое чувства, названия которого она не знала, шептало, что, отстав, она упустит нечто важное.

Погрузившись в свои мысли, Лея шагнула в дверной проем... и врезалась в спину своего спутника. Тот повернулся и прижал палец к губам. Впрочем, сенатор Органа и сама была не настроена на произведение какого-то шума. Потому что, наконец, рассмотрела, куда они попали.

Убранство зала было ярко-алым, и фигуры императорских гвардейцев практически сливались с драпировками. Единственное, что не изменилось – это одежда Палпатина. Сморщенная фигура в черном балахоне в самом центре кровавого озера... Лея помотала головой, отгоняя наваждение. Да что это с ней?

Это – всего лишь ткань! Несколько красных полотнищ на сером фоне стен, пара ярких ковриков на мраморе пола... так почему же зал кажется ей заляпанным кровью? Может, все дело в месте, где они находятся? Коридор вывел их в одну из лож, где раньше устраивались придворные. Теперь, когда Императору надоело их общество, ложи пустовали. Во время последнего ремонта их даже частично завесили тканью, – наверное, чтобы глаза не мозолили. А ведь она, Лея, помнила времена, когда народом были заполнены не только ложи – люди толпились не только здесь и внизу – но даже на узких спиралевидных карнизах, соединяющих ложи с залом. Хотя, при наличии такой толпы это вполне могло быть опасно: эти «лестницы», похоже, задумывались, как декоративный элемент и ограждения не имели. Впрочем, придворных это не смущало. Размышления о прошлом заставили принцессу вспомнить еще одну интересную подробность: подданные не имеют права покидать прием без дозволения Властелина, а потому кодовые замки на дверях реагировали далеко не на всякий отпечаток ладони. Говоря прямо, людей, способных заставить дверь в Тронный Зал отвориться, можно было пересчитать по пальцам. И ее таинственный спутник явно был одним из них. Так кто же он?! Мужчина казался ей поразительно знакомым, думалось, вот, еще мгновение – и она его вспомнит... но понимание ускользало, как песок сквозь пальцы. А ведь она должна, просто обязана его знать! Лея было открыла рот, чтобы задать незнакомцу прямой вопрос... но именно в этот момент резные двери отворились. Сердце на мгновение замерло в груди: в немом изумлении сенатор Органа переводила взгляд с одного близнеца на другого. Отделившись от охраны, пленник медленно направился к императорскому трону, а Палпатин – так же медленно – поднялся на ноги. Или на самом деле все произошло быстро, и это лишь глупые шутки ее восприятия? Краем сознания, Лея отметила, что человек внизу одет в точности, как Хан, но тут все посторонние мысли просто вылетели из ее головы. Потому что арестованный поднял голову и неожиданно улыбнулся Владыке неповторимой улыбкой Люка. Мир бешено завертелся перед глазами, мозг отчаянно отказывался принимать то, что ему сообщало зрение. Из-за нарастающего звона в ушах принцесса прослушала приказ Императора и увидела лишь результат: гвардейцы отделились от стен и скрылись за дверью. Быстро и стремительно, как струйка резового пламени. Почти одновременно в противоположном дверном проходе появилась массивная фигура Вейдера. Из-за абсурдности ситуации принцесса даже не поразились тому, что грозу Галактики сопровождал какой-то штурмовик и лишь вяло поинтересовалась, почему на лице Палпатина застыло такое удивление. Возможно, через пару секунд ситуация в Тронном зале вылилась бы в нечто интересное, не окажись там человека, использовавшего паузу в собственных целях. Таинственный пленник стремительно бросился к Императору и крепко стиснул его в объятиях. Скорость его движения была столь велика, что пораженный Владыка не устоял на месте. Веселый звон стекла почти заглушил удивленный возглас ее спутника, стремительно бросившегося вниз по ненадежному карнизу. Это резкое движение заставило Лею очнуться. Мир прекратил свое бешенное вращение и вновь стал стабильным, осязаемым... и опасным. Дремучий инстинкт, доставшийся от пещерных предков, кричал о необходимости не открывать свое присутствие, но ее пальцы, бессознательно потянувшиеся к плечу спутника, схватили лишь пустоту. Легче было поймать ветер! Краем глаза, она заметила, как штурмовик опрометью вылетел из зала, но все ее внимание было направлено на черные доспехи ситхского Лорда. Вейдер подбежал к асимметричной дыре, теперь зиявшей в искусной стеклянной мозаике и высунулся наружу... точнее, лишь попытался, потому что странный спутник Леи весьма грубо оттащил его от пропасти в несколько сот этажей. Если бы не буря столь сильных эмоций, принцесса, возможно, нашла бы это зрелище забавным: человек, казавшийся почти хрупким рядом с закованный в броню ситхом, не только легко удерживал свою значительно более массивную жертву, но еще и умудрялся ее трясти.

- Ты не виноват! Ты не мог ему помешать... прекрати дергаться, СЕЙЧАС ЖЕ!

Удивительно, но прием сработал, и оба человека в черном бессильно опустились на пол. Зачарованная зрелищем, принцесса осторожно начала спускаться вниз, поближе к месту событий... и чуть не упала с карниза. Дарт Вейдер устало стащил с головы шлем. Подобное зрелище само по себе могло довести обывателя до инфаркта, но то, что Лея увидела под маской, исторгло из ее горла крик беспомощного ужаса. Хан Соло резко повернул голову, и на его лице

отразилась вся гамма эмоций, от удивления до стыда. Черный шлем выпал из онемевших пальцев и, громко лязгая, покотился по полу. Голубоглазый незнакомец недовольно поморщился:

- Соло, думаю тебе не помешает пара лекций на тему: «Обращение с чужим имуществом».

Органа смотрела на него, широко распахнув глаза, а где-то у нее в груди нарастала тяжесть – и понимание. Воин, которому нет равных... чувствующий чужое присутствие на расстоянии... свободно входящий в Тронный зал и называющий ситхскую броню «чужим имуществом». Как же она не сообразила, что в Империи такой человек только один?

«Не один, - тут же возразил находчивый внутренний голос, а воображение услужливо нарисовало только что увиденную картину. – Их было двое, и в прежней жизни они выглядели немного не так...»

В течении всего этого внутреннего монолога, Дарт Вейдер не сводил с дочери глаз. Увидев на ее лице понимание он медленно кивнул и поднялся на ноги.

Одним плавным движением за которым она так и не смогла уследить.

- Вижу, вы уже раскусили нашу маленькую хитрость. Хорошо. Это значит, что у нас будет немного меньше проблем.

«У нас?!» - Лея уже открыла рот для праведного возмущения, но тут ее неожиданно перебили:

- Не могу поверить, что все закончилось именно так! – Соло растерянно переводил взгляд с разбитого окна на собравшуюся компанию и обратно.

Темный Лорд подошел к императорскому трону, и наклонился, поднимая шлем. Осколки стекла весело хрустнули под сапогами.

- Что-то закончилось, а что-то, возможно, только начнется, - задумчиво проговорил он. – Ты ничего не нашел, не правда ли? – обратился он к вошедшему в тронный зал штурмовику, оказавшемуся Люком. Тот потрясенно кивнул, Лея ахнула, а Хэн зафиксировал на ситхе подозрительный взгляд:

- Ты знал об этом, - обвиняюще произнес он.

- Я догадывался о каком-то сюрпризе... но, клянусь Силой, не ожидал подобной комедии. Хотя, по идее, должен был.

Соло задумчиво кивнул:

- Похоже, мы его недооценивали.

- И, сдается мне, не только его, - Лея шагнула вперед и одарила Хана яростным взглядом. Возмущение поведением возлюбленного пересилило даже антипатию к Вейдеру. - Милорд, случайно, не желает объясниться?

- Да уж, - поддержал сестру Люк, – и неплохо бы закончить перечень предстоящих откровений сообщением о том, как потенциальные покойники могли просто раствориться в воздухе?

Заговорщики переглянулись, и коррелианец беспомощно пожал плечами. Ситх вздохнул:

- Думаю, моя версия событий окажется более полной. Эта история началась много лет назад, еще до Империи...

Оживление, вызванное во дворце исчезновением Императора, несколько схлынуло, гвардейцы в алом решительно выставили за дверь всех любопытных, а Люк и Лея ушли вниз со своей матерью. В разгромленном Тронном зале остались лишь двое мужчин, каким-то чудом оказавшиеся не вовлеченными в окружающую суету.

- Что это означает... для вас? – внезапно поинтересовался Хан, указывая на черный шлем. Дарт сообразил, что продолжает бессознательно вертеть его в руках. Он немедленно прекратил это бессмысленное занятие и внимательно взгляделся в окуляры маски.

«Что значит? По сути, этот образ – олицетворение меня. Такого, каким я казался окружающим. Такого, каким был все это двадцать лет... да нет, целую жизнь! Быть Вейдером – значило носить маску. И никого не волновало то, что скрывается за ней... никого, включая меня. До недавнего момента».

- Теперь? Уже ничего. Просто кусок металла, который можно легко отбросить за ненадобностью... или передать другому. Не думаю, что еще три месяца назад я смог бы решиться на такой эксперимент. Даже, если бы не нуждался в респираторе.

- Почему? Что изменилось? – Соло, казалось, был заинтригован. Дарт заметил, что он значительно свободнее ведет себя в его присутствии. Сказывается опыт работы на «Экзекуторе»?

Или тут есть что-то еще? Перемены в мировоззрении коррелианца заслуживали внимания, но Лорд решил для начала ответить на вопрос, – максимально откровенно, для разнообразия.

- В какой-то момент я проснулся и понял, что вполне могу обойтись черных доспехов... не в медицинском плане, нет! Просто осознал, что не они вовсе не определяют меня, как личность.

Соло кивнул.

- Именно это меня и смущало. Сначала это казалось почти игрой, - примерить жизнь другого человека, как примеряют одежду. Правда, в нашем случае это оказалось тем же самым. Я шел по коридору, – и все старались убраться с моего пути. Я говорил, – и другие замолкали. Я делал резкое движение, – и офицеры падали замертво. Возможно, со стороны это и казалось смешным... по крайней мере, Люку, но мне было страшно. Знаете, я даже вас не боялся так, как собственного отражения в зеркале. Казалось... что я становлюсь другим, начинаю делать – и думать именно то, чего ждут. Такого со мной еще не было!

- Значит, ты боялся НА САМОМ ДЕЛЕ стать Вейдером?

- Хуже того: мне постоянно приходилось напоминать себе, что Я ИМ НЕ ЯВЛЯЮСЬ.

- Из-за доспехов?

- Большею частью – из-за отношения окружающих. Я чувствовал себя... ну, как в безвоздушном пространстве. Полностью изолированным от мира. Мне казалось, что жизнь просто течет мимо, а человек по имени Хан Соло заключен в некую мертвую сферу. А еще... я прямо кожей ощущал, что они постоянно ждут от меня какой-то подлости. И... мне очень хотелось оправдать эти ожидания, - коррелианец внезапно посмотрел собеседнику прямо в глаза. – Мне кажется, что, после всего происшедшего, я понял, почему вы стали таким... ситхом, одним словом. Понял, но не простил. Ибо, как вы сами правильно заявили «доспехи вовсе не определяют вас, как личность». Точнее, я бы сказал так: «Сложное явление под названием «Дарт Вейдер» не исчерпывается устрашающей маской». Имперцы – просто дураки, если боятся только доспехов. Думаю, вы давно сообразили, что их ужас относится скорее к облику, чем к внутренней сути – иначе никогда не решились бы на подобный обмен. А, между тем... знаете, когда вы напугали меня больше всего? – Вейдер отрицательно покачал головой. – Тогда, в ангаре, говоря про «семейный бизнес».

- И что в этом ужасного? Неужели перспектива вести со мной дела хуже имперского допроса?

- Нет, конечно, нет. Но... вам никто не говорил, что радушная улыбка – не то выражение лица, которое вам удастся? Особенно, вкупе с таким взглядом...

- Странно... раньше никто не жаловался.

- Куда уж им!

- Неужели это и вправду было так ужасно?

- Страшной была не сама улыбка, а дисонанс. Веселый голос, приветливое выражение лица... и взгляд, которым можно заморозить целое озеро.

- Я думал, что выгляжу вполне миролюбиво.

- Он думал!!! К слову о Беспине: с таким выражением лица обычно закатывают в цемент, а не просто замораживают в карбоните.

- Ладно, Соло, считай, что я проникся. Буду тренироваться в изображении на лице злобной мины, - для соответствия внешности темной внутренней сути.

- Это тоже следует понимать, как попытку пошутить? – мужчины обернулись на голос вошедшей Падме. – Простите, я случайно услышала конец вашего разговора.

- Какие могут быть тайны в большом семействе? – попытался пошутить Хан, но Скайуокеры не улыбнулись. Коррелианец со внезапной грустью подумал, что знаменитый «мир и порядок» в семье его любимой женщины наступит еще ой, как не скоро.

«Говоря откровенно: сомнительно, что наступит вообще».

- Следует ли понимать твоё высказывание, как попытку попросить руки нашей дочери? – невозмутимо поинтересовался Вейдер.

Соло почувствовал, как почва неожиданно выскальзывает из-под ног. Конечно, он боготворит Лею, но они никогда не говорили о формальностях. И, тем более, он не думал о том, чтобы просить благословения ее родителей.

- Она еще не соглашалась, - растерянно ляпнул Хан.

Мать Леи удивленно приподняла бровь:

- Так чего же ты ждешь?

«И правда – чего? Я люблю эту женщину, она любит меня. Не осталось никаких препятствий нашему счастью. Даже мои новые «родственники», кажется, не против...»

- Вы правы. Время ожиданий закончилось.

Время текло своим чередом, и Галактика не канула в Лету после исчезновения Палпатина. А о существовании второго человека, запустившего маховик исторических изменений и ушедшего своим путем, вообще знали единицы. Естественно, они тосковали, но жизнь неожиданно завертела их в бурном потоке, не оставляя времени для сантиментов. Хан Соло, наконец, задал Лее Скайуокер извечный вопрос – и получил ожидаемое согласие. День свадьбы, как обычно, наступил неожиданно, и, в преддверии церемонии, герои вновь собрались в том же составе.

Хан Соло нервно теребил собственный воротник:

- Не знаю, кто именно придумал этот парадный костюм, но, по-моему, он был не слишком хорошим человеком. А скорее – не человеком вообще!

- Ты выглядишь очень солидно.

- Я чувствую себя дураком.

- Такое волнение естественно, - Вейдер хитро улыбнулся. – Свободный человек по имени Хан Соло доживает последние часы. Скоро вместо лихого контрабандиста скоро родится примерный семьянин и столп общества.

- И не мечтайте! Такого скучного зануду Лея немедленно выгонит палкой!

- А остальные ей помогут, - добавила Падме. – Соло прекрасно уловил суть: чтобы выжить в нашем семействе, необходимо быть немного... странным.

Она неожиданно вспомнила одну фразу из прошлого совместного разговора и повернулась к мужу:

- Надеюсь, что ваши тренировки «злой мины» начнутся не сегодня. Иначе жениху, вместо того, чтобы переносить невесту через порог дома, придется выволакивать через него потерявших сознание гостей.

Соло радостно потер руки:

- Прекрасно! Всегда мечтал выставить кого-то за дверь подобным образом! Например, таможенного чиновника... - коррелианец наклонился поближе к Падме и заговорчески понизил голос: - У вашего мужа, мэм, есть все задатки отличного преступника. Думаю, мы жутко прославимся, работая в паре...

- Спасибо за предложение, Хан, но я все же попытаюсь удержать его по эту сторону решетки.

- Похвальное желание. Тем более, что известности ему не занимать, - Соло осознал, что встает на скользкую почву: шутки шутками, а этот выстрел угодил практически в яблочко: сомнительная слава шествовала далеко впереди Лорда. И остроты подобного рода вызывали чувство, что кто-то сплясал на твоей могиле. Особенно, если произносились в присутствии Вейдера... так что Хан быстро сменил тему:

- Вы по делу, или просто соскучились без нашего общества?

- Спасибо что напомнил, - она снова повернулась к мужу: - Гости давно собрались. Вам... тебе не кажется, что пора немного поторопить невесту?

- Как пожелаешь... - он резко повернулся и направился к выходу.

«Неужели разозлился?».

Хан быстренько прокрутил в памяти сегодняшний разговор и с невольным облегчением убедился, что он здесь не причем.

«Нет. Просто им нелегко общаться друг с другом».

- Энекин! – крик заставил Дарта обернуться. – Не знаю, будет ли у нас еще одна возможность поговорить... в, общем, я хотела сказать тебе «спасибо» за то, что согласился в этом участвовать.

Лицо Вейдера внезапно смягчилось, а взгляд потеплел. Теперь, глядя на Скайуокеров со стороны, коррелианец и правда мог поверить, что их связывал не только брак, вот уже двадцать лет существующего лишь на бумаге, и двое детей, выросших незнакомцами.

- Как же я мог отказаться, Падме? Она же все-таки наша дочь.

Платье оказалось не белым, а светло-кремовым, и эта легкая примесь, казалось, заставила ее темные волосы и глаза заиграть новыми оттенками. Лея задумчиво смотрела в зеркало, смотрела – и не узнавала стоящую перед ней женщину. Может, все дело в том, что за годы Восстания она

отвыкла от вечерних платьев и драгоценностей? Нет... не то. Альдеранскую принцессу воспитывали так, чтобы даже в драном комбинезоне выглядеть Леди до мозга костей – и, надо признать, что ей это удавалось. Наверное, в свадебном платье просто должно быть что-то особенное, ведь это – не просто ворох дорогих тканей, а символ новой жизни. Лея со вздохом присела на кровать. Жизнь меняется так быстро! Еще год назад она точно знала, чего желает в этой жизни... а на проверку все это оказалось самообманом, мыльными пузырями, лопнувшими при первых признаках настоящей беды. Тогда, на Беспине... одно воспоминание о том, как близко она подошла к пропасти, заставило невесту зябко поежиться. Как будто на солнечном Корусенте внезапно задул злой хотский ветер. Когда Люк чуть не замерз насмерть в этих проклятых снегах, она поняла, как он ей дорог... но это прозрение – ничто, перед страхом, сковавшим ее душу при мысли ПОТЕРЯТЬ Соло. Воспитание, гордость, доводы рассудка – все оказалось неважным и ненужным. Значение имел лишь голос сердца. Надо сказать, что этот опыт сильно ее изменил. Лея Органа и раньше была проникательна, но это больше напоминало вежливое внимание врача к пациенту. Теперь она научилась сопереживать, ибо поняла, чем чревата глухота к собственным чувствам. Могла ли вчерашняя принцесса понять сегодняшнюю? Внутренний голос говорил, что, наверное, да. Ведь, несмотря ни на что, она была счастлива. Принцесса задумчиво улыбнулась. Поразительная мысль! Лорд Вейдер, объект ее застарелой ненависти оказался ее отцом, «торжество демократии» вылилось в серию нудных переговоров, а долгожданная победа... а победы, как таковой и не получилось. Под покровом шумихи, вызванной исчезновением Императора, его государство тихо и мирно переродилось в нечто иное, - разумеется, под бдительным присмотром вчерашних врагов, которые неожиданно обнаружили у себя массу общих интересов. Ведь, сохранив собственное лицо, можно признать и наличие здравого смысла в словах оппонента, правда? Два человека, которым действительно есть, что терять, всегда предпочтут договориться. Принцесса могла бы посетовать на несправедливость, поголосить о том, сколько жизней потеряно из-за того, что одни слишком любили говорить, а другие – не желали слушать, могла но... не хотела. Все могло закончиться гораздо хуже. Масштабная битва, полный разгром одной из сторон, достигнутый жестокой ценой. Гибель лучших и выживание подлецов. Голод и разруха, заставляющие людей идти под знамена не стоящих доверия. Бессилие победителей и камень, затаенный за пазухой побежденных. Она ясно видела картины такого будущего, будущего, которое, к счастью, не реализовалось. Это напоминало детскую игру: ты встряхиваешь осколки стекла, высыпаешь на стол, и они образуют причудливый узор. Каждый раз новый. Как много, оказывается, зависит от одного маленького кусочка...

Стук в дверь отвлек невесту от раздумий:

- Кто там?

- Меня попросили напомнить вам о времени, Ваше Высочество.

Безукоризненная вежливость, взвешенные слова... императорский двор со своими утонченно-омерзительными нравами оставил на этом человеке такой же след, как и на самой Лее. Чуть ли не впервые ей подумалось, что они с Вейдером в чем-то похожи... с Вейдером? Нет, со своим биологическим отцом. Многие удивлялись, что этот факт вызвал у нее минимум эмоций, другие считали это искусной игрой, притворством. Даже Соло отчасти заблуждался. А правда была очень проста и состояла в том, что Лея всегда уважала этого человека. Уважала почти так же сильно, как ненавидела.

- Подождите, милорд. Я скоро выйду.

Невеста вновь углубилась в раздумья, а ее руки автоматически поправляли прическу и разглаживали складки платья. Такие привычные действия не требовали особого внимания, – его можно было посвятить иному занятию.

Милорд... она называет своего отца имперским титулом, а он по-прежнему зовет ее принцессой. Женщина усмехнулась: они напоминали пару хищников в общем вольере. Она, как наяву видела эту картину: гибкие тела медленно перемещаются вдоль решеток, изредка порываясь, внимательно изучая оппонента, - и не находя слабины. У каждого из них свои сильные и слабые стороны, но звери не начинают схватку, ибо у них отсутствует уверенность в победе.

«Но мы – не животные, ведомые лишь инстинктами. Неужели наша гордость настолько велика, чтобы позволить этому молчаливому противостоянию и дальше отравлять жизнь окружающим?»

Перед глазами замелькали знакомые лица: мать, брат, будущий муж... чем они заслужили подобное отношение? Сегодня Лея Органа начинает новую жизнь. Сможет ли она не тащить в нее старых демонов? Сможет ли она... уступить?

Принцесса последний раз посмотрела в зеркало и решительно вдавила кнопку открывания двери. Несколько секунд отец и дочь пристально смотрели друг другу в глаза. Затем Лея явным усилием воли отвела взгляд и протянула руку. На лице Дарта отразилось легкое удивление:

«Это означает мир? Или временное перемирие?»

Она никогда не пыталась разговаривать мысленно, хотя, теоретически, понимала, что такое возможно. Этот вопрос, прозвучавший прямо в голове, чуть не заставил принцессу отшатнуться. Но это был лишь минутный испуг, порожденный незнакомыми ощущениями, который почти мгновенно сменился жадным любопытством. Тем более, что чужое присутствие сейчас не казалось ей опасным. Это был внимательный и терпеливый гость, а не захватчик. Лея это оценила.

«Я еще сомневаюсь», - отвечать таким образом было немного непривычно, но очень легко.

«Впереди еще много дней... Лея. Я буду ждать».

Он впервые не упомянул ее титул, и это поразило бывшего сенатора даже сильнее того, что отец согласился отдать ей инициативу. Как политик, она хорошо понимала, что эта уступка – ответ на сделанный ею первый шаг, и ответ очень рискованный. Фактически, Вейдер объявлял об одностороннем прекращении конфликта, сохраняя за ней право не поддерживать его начинания. Это говорило о доверии... и о многом другом, что она обдумает на досуге.

В тот момент, когда их пальцы все же соприкоснулись, двое родственников – и противников - одновременно улыбнулись друг другу, а затем медленно пошли по коридору к Главному Залу. Сегодня для Леи Органы начнется новая жизнь... но кто говорил, что она окажется скучной?

Эпилог.

То же время, другое место, иная реальность...

Дарт и его дочь, улыбаясь, шли по коридору...

Энекин Скайуокер открыл глаза и посмотрел на замершую в кресле темную фигуру. Палпатин пробыл в одиночестве несколько часов, но, что удивительно, не выглядел скучающим или расстроенным. Напротив, его желтые глаза просто искрились веселой иронией:

- Насмотрелся?

Хранитель вздохнул: неужели этот человек не может направить свою недюжинную проницательность на более приятные вещи?

- Не устаю удивляться: как вы смогли дожить до старости, обладая столь мерзким характером? Любой нормальный человек – и я в том числе - прирезал бы вас на второй неделе общения!

Палпатин громко рассмеялся:

- Энекин Скайуокер, у тебя очень странное представление о «нормальных людях». Представь себе: обыватели не бросаются с ножом на малознакомых стариков! Да ты и не сделал бы ничего подобного, мальчик... по той же причине, по какой я так долго удерживал возле себя твое альтер эго. Человеку всегда нужен кто-нибудь, кто говорил бы ему правду.

- Какую такую правду?

- Обыкновенную. Что подглядывать нехорошо... и что решение твоих личных проблем вовсе не зависит от того, сунешь ли ты свой любопытный нос в дела двойников.

- Вы посмотрите, кто это говорит, - Энекин ощутил, что начинает злиться, однако, желание высказаться оказалось сильнее.

- А я, в отличие от тебя, и не пытаюсь спрятаться за маску непогрешимости. Знаешь, когда в одно прекрасное утро ты просыпаешься и говоришь себя: «Я – мерзавец», жизнь значительно упрощается, - Палпатин глумливо усмехнулся. - Но, разумеется, этот рецепт не для тебя. Великому Хранителю так нравится изображать пленника обстоятельств, и твердить окружающим: «Ах, какой же я бедный и несчастный, эти злые дяди и тети навязали мне обязанности, которых я не желал, и тем испортили мою жизнь».

- Какая гнуснейшая ложь! Я никогда... никогда в жизни такого не говорил!

- И не думал? – старый ситх вновь рассмеялся. В отличие от собеседника, его настроение лишь улучшалось. – Ты злишься, потому что не можешь мне возразить. Дарт Вейдер не стал Императором, но у него, по крайней мере, хватило духа сделать то, чего он НА САМОМ ДЕЛЕ

ХОЧЕТ. А ты, мой друг, застрял на распутье, причем так, что согласился впустить в свой мир даже злобного ситха, дабы он прописал тебе увесистого пинка.

- Что за уникальный талант опозлить любую идею! – возмутился Энекин. – Я не думал, что вы окажетесь таким...

- Откровенным? – теперь Палпатин смотрел на собеседника с непритворным интересом. – Мальчик, не думаю, что ты способен себе представить, как мне надоело постоянно пудрить людям мозги! Легкость, с которой это получалось, грозила перейти в ненависть к человечеству, как таковому. Ведь, положив руку на сердце – разве можно уважать безмозглых тупиц? Тогда я начал говорить окружающим чистую правду – просто для разнообразия - и сразу заработал ярлык маразматика. Поразительно, каким почетом у людей пользуется искренность! – взгляд ситха неожиданно стал острым, а тон – ледяным: - Знаешь, как интересно порой наблюдать за чужими реакциями? Человек, стоящий передо мной, считает, что, если он может распознавать ложь, то знает о ней все. Так вот, скажу по секрету: в этой жизни он – полный профан, потому что упорно врет самому себе. Более того: готов перевернуть мир, устраняя гипотетическую «неправильность», дабы ЗАКРЫТЫЙ шкаф с секретами снова вписался в обстановку.

- Это что, личный опыт?

- Эни, положив руку на сердце: смог ли я выжить после того, что совершил, предаваясь самообману? Я сижу здесь и говорю тебе гадости лишь потому, что прекрасно знаю, кто я, что сделал и для чего. Сомневаюсь, что ты можешь сказать о себе то же самое.

- Вы сидите здесь, потому, что Я вытащил вас из мира, где вас ждал малоприятный конец. Кстати, являющийся закономерным финалом ВАШЕЙ деятельности. Не думаю, что к ЭТОМУ следует стремиться.

- Означает ли это, что ты предпочитаешь скончаться в собственной постели, окруженный правнуками? Не вижу практических шагов в этом направлении! Если бы ты ДЕЙСТВИТЕЛЬНО этого хотел, то давно бы женился, завел дюжину детей и славно приводил время, ремонтируя глайдеры. Но нет! Ты не желаешь, чтобы на твоей могиле написали «Энекин Скайуокер, примерный обыватель». Тебе нужна надпись «Избранный» или «Спаситель Галактики». И не надо, пожалуйста, повторять чушь про то, что тебя «выбрала Сила»! Ты стал тем, кем хотел, и ответственность за это целиком и полностью лежит на человеке по имени Энекин, а не на полумифическом разумном поле. Мидехлориане дали тебе ВОЗМОЖНОСТЬ стать первым, но они не вложили эти мысли в твою голову.

- Зато ВЫ исправно вкладывали их в головы моим двойникам...

- Да? Неужели ты так низко себя ставишь? Не перекладывай на меня ответственность за собственные амбиции! Почему я должен был отказаться от того, что плывет в руки? Дарт хотел реформировать Республику – и я показал ему способ, как это сделать. Я не принимал решения ЗА НЕГО.

- И потом – тоже?

- Нет. Но это опять-таки был ЕГО выбор. Кстати, весьма неприятный для меня лично. Подчинение – это хорошо, но оно не заменит общения с равными. А как можно считать равным того, кем ты с легкостью помыкаешь?

- Однако, он все же оставил вас в дураках!

- Он или ты? По-моему, тут две большие разницы. Хоть и не сразу, но мой ученик все же вылез из уютной песочницы и двинулся вперед. Ты не рассказываешь мне о своих видениях, но, похоже, в новую роль он вжился весьма неплохо. А человек, сидящий передо мной, просто убежал от проблем!

- Вижу, вы желаете меня разозлить? Так вот – не получится! Я – не наивный подросток, которого вы когда-то обратили в свою веру... и даже не Вейдер.

- В отличие от него, возраст вовсе не прибавил тебе ума, иначе ты не стал бы поддаваться на столь элементарные провокации. Самовлюбленный дурачок! Тебе действительно повезло, что, проведя 25 лет во главе Империи, я больше не стремлюсь к абсолютной власти. Ведь, пока ты столь эмоционально негодуешь, я мог бы манипулировать тобой, как захочу. Кстати, Вейдер, которого ты упомянул, вовсе не допускал таких ошибок. В работе следователем есть и полезные стороны.

- Вы еще про приятные упомяните!

- Не уходи от темы, Энекин. Ты сам впутался в эту историю, сам притащил меня сюда, не спрашивая о согласии... даже это разговор завел совершенно самостоятельно. А теперь тратишь

наше время на эмоциональные, но малосодержательные выкрики. Открой секрет: какого ситха тебе от меня надо?

- Нет, поглядите, какое самомнение! Я всего лишь убрал вас оттуда, где вы планомерно отравляли жизнь окружающим...

- ... чтобы я отравил жизнь тебе? Ха! Ты же элементарно мог «потерять» меня по дороге, не подвергая Вселенную катаклизмам! Или размазанный по камешкам Император мешал бы твоим обожаемым повстанцам больше, чем скрывшийся в параллельной Галактике? Ты, может, и умен, но сыграть втемную с таким, как я у тебя не получится. Хочешь доказать, что не свалишься в ту же яму, что и твои двойники? Что ты не поддашься тлетворному влиянию Палпатина? - ситх неприкрыто издевался, и, что самое скверное, его слова опасно напоминали правду. – Конечно, такая цель не годится для открытого декларирования! Куда престижнее, например, «заставить злодея трудиться на благо государства»... по глазам вижу, что угадал. И ты действительно веришь, что способен меня ЗАСТАВИТЬ?

Насмешник был прав: особой уверенности у Хранителя не было. Точнее, она рассыпалась, как карточный домик под меткими ударами сапога. Признание, что при таком раскладе поле битвы, вполне возможно, останется за врагом, далось непросто... зато прояснило все остальное.

- А мне действительно нужно вас ЗАСТАВЛЯТЬ? Неужели вы, столь авторитетно обвиняющий меня в гордыне, желаете могильный камень с надписью «Палпатин, который ничего не сделал?». Может, я и не слишком искренен с собой, но, все же не полный дурак.

Ситх заопродировал:

- Браво, Скайуокер! Твоя способность учиться на ошибках – основная причина того, что я вообще теряю с тобой время. Знаешь, как мало в Галактике людей, которые мыслят, как ты? Мне нравилось работать с Вейдером именно потому, что он сам являлся злейшим врагом однообразия и статичности. Ты не представляешь, как хочется стать консерватором, заполучив хоть толику власти! «Зачем менять мир, где МНЕ хорошо?» - думают люди – и старательно закрывают глаза и уши от перемен. Разница между мной и моим учеником состоит в том, что МНЕ нравилась любая Империя, а Вейдер лишь пытался себя в этом убедить. Естественно, самозаблуждение не могло длиться вечно. Я ЖДАЛ перемен, более того, теоретически понимал, что они необходимы, но... ах! До чего же приятно было ничего не предпринимать! Я стал в позу, оправданность которой ты так отстаиваешь: отдал инициативу другим. И, знаешь что? Оказывается, они не слишком-то хотели брать на себя ответственность. Права – да, это здорово, а вот обязанности каждый стремиться навесить на ближнего. И тут вы с двойником опять представляете собой пример обратный среднестатистическому. Вы оба охотно набираете себе кучу неблагодарной работы, - и всячески отмахиваетесь от титулов и наград. Подобная позиция глубоко чужда и мне, и большей части населения, свято считающих власть целью, а никак не средством. Сознаюсь, я тоже долго не мог поверить в существование таких убеждений, выискивая в Дарте следы ситхского коварства. И напрасно! Он, конечно, может быть хитрым и коварным, но никогда не станет делать это ради себя. Да и ты – тоже. Признайся, неужели ты стал бы с таким пылом устраивать СОБСТВЕННУЮ жизнь?

- Ну, началось! Сначала вы обвиняете меня в махровом эгоизме, теперь – в безудержном альтруизме. Боюсь и спрашивать, что дальше...

- Ты боишься меня или себя? Если ядро твоей личности желает одного, а установки, вбитые в голову учителями заставляют делать другое, хуже от этого вовсе не мастерам. Мне, например, было вполне комфортно на имперском троне.

- А как жилось всем остальным?

- «Все остальные» могли бы и сами о себе позаботиться. Я, между прочим, тоже не родился наследником престола. И вовсе не собирался тратить остаток дней, уча шаака есть с помощью ложки. Особенно, если шааку это и не надо: есть же сладкая трава! Мораль здесь такова: ты не можешь утверждать, что в моей Империи людям жилось из рук вон плохо.

- Ну, конечно!

- Желаеть краткий исторический экскурс? – Хранитель немного подумал и признал, что этот раунд он, похоже, проиграет. Жителям палпатиновского государства не хватало свободы, но это было почти единственным ограничением. С голоду они не умирали.

- Спасибо, обойдусь.

Ситх довольно ухмыльнулся, и Скайуокер перешел в наступление:

- Считаете, что вы выиграли? – воинственно произнес он.

- Ты удивишься, но – не считаю. Естественно, в обычной беседе – а, тем более, в публичном выступлении, - я с легкостью заткну тебя за пояс. Не обижайся, но здесь все решает опыт, а не только способности. Однако, переходя к практике, следует признать, что поле в нашей игре осталось за тобой и твоим новоиспеченным «братцем». А я – не из тех, кто в случае неудачи пеняет на правила.

Энекин отвел глаза от собеседника, откинулся в кресле и начал задумчиво рассматривать потолок.

- Ну, знаете... такое заявление следует обдумать.

- А разве мы, спешим? Думаю, ты обеспечил себя моим обществом на долгие годы.

- Вероятно, вы снова правы, - Хранитель неожиданно сел прямо и пристально посмотрел в глаза Императору. – И, знаете что? Не думаю, что эти годы будут для меня невыносимыми.

Не уходи, мой друг, в темноту.

Сядь так, чтоб я видел тебя.

Иначе призраки ночи,

Займут твое место.

Окружены мы теньями.

Вызвало их неразумное слово.

Их разгонять мы не умеем.

Им повелевать мы не можем.

Близится час полуночный.

Зажги, друг, ярче огонь.

К света источнику ты

обернись.

Н. Рерих, 1917

Благодарность Джону Фаулсу за притчу «Принц и маг», которую я использовала в своем повествовании.